

56 лет в Казахстане

Автобиографические рассказы Масао Миура

56 лет в Казахстане

Автобиографические рассказы Масао Миура

Редактор Юкари Нагаяма

Куширо

2022

Книга подготовлена и издана при финансовой поддержке Kushiro Public University of Economics (г. Кусиро, Япония) и Hokkaido University (г. Саппоро, Япония)

56 лет в Казахстане. Автобиографические рассказы Масао Миура. / Научный редактор Ю. Нагаяма. — Кусиро: Kushiro Public University of Economics, 2022. — 104 с.

В книге представлен текст автобиографических рассказов Миура Масао о своей жизни. Нарратив Миура Масао раскрывает страницы его биографии на фоне драматических эпизодов истории Японии середины XX в. и истории советского Казахстана. Уникальная судьба Миура Масао, ставшего заключенным в 13 лет, и оказавшегося в Казахстане в 1948 г., где он прожил более полувека, представляет интерес для специалистов разных наук. Оказавшись в чужой стране без знания языка, Миура показал высокие адаптивные способности в чужой стране. Не являясь гражданином страны, он смог построить успешную жизненную стратегию, сохраняя идентичность японца. Большой интерес представляют сведения о повседневной жизни в сельских районах советского Казахстана, которые содержатся в повествовании отличного рассказчика. Издание адресовано всем, кому интересны вопросы истории советско-японских отношений в XX в., антропологии повседневности советского общества, исследователям биографического метода — а также студентам и преподавателям вузов.

От редактора

Масао Миура (1.8.1932-19.1.2022) родился на Карафуто, Японском Сахалине в 1932 году. В 1946 г. в 13 лет он был арестован за переход границы со стороны Японии в СССР, и после полугодового заключения в лагере жил в Казахстане до 2002 года. Поэтому число, указанное в названии этой книги — 56 лет — на самом деле не точное, так как Масао жил в Казахстане 54 года с 1948 по 2002 года. Но я решила оставить эти 56 лет, так как в источниках о Масао всегда указывается это число: 56 лет вдали от родины — после ареста и до возвращения домой.

Мы с Масао познакомились, когда он выступал в университете Хоккайдо 17 февраля 2007 года (Tsumagari 2007). Его выступление длилось 3 часа, и я была его переводчиком. Так как на Хоккайдо живут много переселенцев из Японского Сахалина и их потомки, а также семьи японских военнопленных в СССР, рассказы о Сахалине и лагерях всегда привлекают большое внимание жителей г. Саппоро. Посетители очень внимательно слушали рассказы Масао.

Идея записать рассказы Масао возникла после его выступления, когда я узнала, что ещё никто не опубликовал подробный рассказ о его судьбе, хотя до этого он уже многим давал интервью.

Интернированные японцы на территории СССР начали возвращаться на родину в 1990-х гг., после распада СССР. Об их возвращении писали в центральных газетах, делали небольшие телепередачи несколько раз. Режиссеры и исследователи записывали рассказы тех людей, и некоторые из них доступны в интернете. Личные истории были опубликованы в Японии совсем недавно в виде сборника рассказов разных людей (Ogawa 2010, Fujinuma 2021).

В отличие от многочисленных опубликованных в Японии воспоминаний военнопленных, в этой книге большая часть

посвящена описанию повседневной жизни на Японском Сахалине, в СССР и Казахстане во время войны и после войны, которые имеют большую ценность для этнографических и исторических исследований. О жизни в лагере он отказался подробно рассказывать, объяснив, что эта история — слишком жестокая для женского восприятия. Масао был талантливым рассказчиком, и кто слушал его рассказы, может четко представлять живые картины. Читая его рассказы, мы смеёмся вместе с Масао, испытываем душевную боль, радуемся его удачам и успехам.

Материалы, использованные в этой книге, были собраны мною в ходе интервью у Масао в 2007 году в его квартире в г. Саппоро. Интервью длилось 4 дня, 28–29 июля, 8 и 26 августа. Нина Александровна, супруга Масао, все время сидела рядом, поддерживала разговор, уточняла неясности, и добавляла нужную информацию.

К большому сожалению, я не успела опубликовать эту книгу при жизни Масао. Материалы интервью долго лежали, потому что я не могла сразу найти время для обработки и финансирования издания, и тема книги не отвечает моей специальности лингвиста-североведа.

При подготовке текстов интервью к изданию я изменила диалог на монолог, убрав все мои вопросы, а также повторы, характерные для его стиля, и выстроила рассказы в хронологическом порядке. Кроме того, японские слова в монологе на русском языке, которые рассказчик часто повторял, я выделила курсивом.

Я благодарна Ассель Битабаровой, Эльзе-Баир Гучиновой и Татьяне Мاستюгиной за помощь в подготовке издания: в расшифровке и редактировании текста, за полезные советы и уточняющую информацию. За все ошибки, которые могут обнаружиться в тексте, несу ответственность только я.

Данная книга подготовлена благодаря финансовой поддержке Kushiro Public University of Economics (г. Кусиро, Япония).

Электронная версия будет размещена в репозитории открытого доступа университета: Kushiro Public University Institutional Repository <<https://kushiro.repo.nii.ac.jp/>>.

Март 2022
Юкари Нагаяма

Литература

- Fujinuma, Toshiko. WWII. 50 nin no kiseki no inochi [Вторая мировая война: 50 историй выживания]. Tsunagi Shoin: Kawagoe, 2021, – 80 с.
- Ogawa, Yoichi. Okizari ni megezu Kazakhstan de ikinuita doho tachi [Интернированные японские соотечественники в Казахстане]. Nihon Sakhalin Doho Koryu Kyokai: Sapporo, 2010, – 739 с.
URL: <https://www.kikokusha-center.or.jp/kikokusha/shuki/kazak/kazak.pdf> (Дата обращения: 15.3.2022)
- Tsumagari, Toshiro. Kazakhstan kara kikoku shite: Miura Masao shi koenkai [Возвращение из Казахстана: Публичное выступление Масао Миура]. // Journal of Hokkaido Ethnological Society, 2007, No. 3, – С. 90–92. URL: http://hes.official.jp/images/kaishi_pdf/03/03-09houkoku3tsumagari1.pdf (Дата обращения: 15.3.2022)

Слева направо Нина Миура, Масао Миура, Юкари Нагаяма и на
руках Масао сын Ю. Нагаямы. (Саппоро, 2 февраля 2009)
Личный архив Ю. Нагаяма

Глава 1. На Карафуто (до 1945)

О семье

Мы жили в Рутака¹, в Охоэ². Отца звали Миура Торадзи. Как звали мать, я не помню. Даже моя тётя Томико не знала. Говорила: «Не помню». Мой самый старший брат — Миура Торао, второй брат — Миура Ёсио, третья, сестра — Миура Такико, следующий — Миура Юкио, потом самый младший — Мицуо. Старших братьев Торао и Ёсио я толком не видел.

Отец занимался в основном производством древесного угля и ещё вел сельское хозяйство: держали свиней, корову, лошадь. Свиней он много не держал — вырастит, зарежет и снова поросят заведет. Ну за все время он больше пятнадцати голов не держал, — я помню, примерно так, не больше. А вот кроликов много держал — штук сто, не меньше было. *Ниватори* (яп. куры) — были, немного. И баран один был, помню, я на нём катался верхом. Интересно было.

О смерти матери

Мать после родов младшего брата Мицуо болела долго, три года примерно, лежала. Когда она умерла, мне было пять лет, ещё

---

¹ Уезд Рутака префектуры Карафуто (Японского Сахалина), — нынешний Анивский район Сахалинской области.

² Местечко Охоэ находилось у села Ноторо (Кириллово) уезда Рутака.

в школу не ходил. Как-то весной я на улице играл в луже. Сестра моя вышла и говорит: «Домой иди скорее, мать умирает». Я, конечно, сразу бросил играть и в дом побежал. Захожу: мать у отца на руках лежит. Рядом — сестра и младший мой брат Мицуо. Больше никого нет. А мать увидела меня и говорит отцу: «Масао — большой уже, пять лет, может самостоятельно с вами жить. А с кем останется Мицуо? Отдайте его [на воспитание]». И назвала имя родственника нашего, кому отдать. И мать умерла.

Потом собрались все соседи, по обычаю — хоронить понесли на руках, конечно. Тогда не было ничего, так вот — на руках. Недалеко от дома, может быть, с полкилометра, между горами было ущелье. Там её сожгли. Я помню: дрова сложили и сожгли. Потом *хаси* (яп. палочки) брали в руки, друг-другу передавали останки³. Много было людей. Я не знаю кто, но людей много было. Ещё был японский священник, который молитву читает. Вот и всё. Мать умерла, похоронили. Остались я с сестрой Такико и братишка Мицуо — трое.

О смерти младшего брата

Однажды говорю сестре: «Такико, мы с Мицуо вдвоем пойдем, рыбы наловим». Как раз сезон был *нисин* (яп. селёдки), они шли на нерест к берегу. Она подумала и говорит: «Только осторожно! Смотри, не пускай его в воду, давай сам [лови рыбу]». «Ладно», — говорю, и мы пошли.

Весна была, вода холодная, ветер такой... Мы лазили в воду оба, — прямо руками рыбу ловили. Может быть, мы 5–6 килограммов поймали и пошли домой. Пришли домой, и сразу — через несколько часов, может быть, Мицуо резко заболел.

---

³ По японскому обычаю, после кремации родственники покойного передают друг другу при помощи палочек кости, которые затем помещают в урну.

Температура подскочила, может быть, до 39–40, не знаю точно, сколько было, высокая была температура. Он сразу сознание потерял и не разговаривает. Потом сестра побежала в больницу, а я остался с ним.

Через некоторое время сестра вернулась с врачом. Этого врача я помню до сих пор. Высокий был человек, разговаривает [с трудом], заика что ли. Он осмотрел и сказал, как отрезал: «Менингит». И дальше: «Эта болезнь очень серьёзная. Если выздоровеет, то всё равно будет инвалидом. Или умрёт — одно из двух». «Ну, — говорит, — сделаю укол». Он сделал укол и ушёл. И где-то в полночь брат скончался. Вот так, мать умерла, а через месяц братишку я похоронил.

Еще втроем мы жили... Спали вместе — я лежу, сестра рядом спит, и Мицуо рядом. Как начинает темнеть, пора ложиться спать. А я смотрю в окошко: мама сидит. А мамы уже нет — мы похоронили её. А я вижу — она сидит. Боимся все! Говорю сестре, а она отвечает: «Ты что, дурак?! *Бакайро* (яп. дурак)! Давай спать!». Я ей: «Мама смотрит!». Вот честно, вот её лицо [вижу]. Она вот так сидит, как она болела, да когда лежала, волосы так распущены. А я часто волосы расчесывал маме. Говорю сестре, а она мне: «Ты дурачок. Спи, никого нет!» И так повторялось много раз. Как она меня измучила! Я прямо заболел — худой стал, бледный. Несколько дней, нет — неделями или больше — всё время мать видел. А сестра и брат — нет. Когда они просыпаются — нет [никого]. Я тоже не вижу. «Где?» — спрашивают меня. Говорят: «Ты дурак что ли?!». Вот как начинает темнеть, и только когда они заснут, — мама появляется. И главное, только с окошка. Не с двери, а с окошка.

Мама всё звала нас. Звала. Позже, когда братишка умер и мы похоронили его, она уже больше не стала являться. Братишку похоронили. Мы с сестрой остались и продолжали жить в этом доме.

Может быть, через месяц, а может — через два, я подумал: «Пойду-ка мамину да братишкину могилки посмотрю». Прихожу туда. А могилы были: вот моего брата Мицуо, а вот мамина — прямо рядом. Только *сотоба*⁴ — деревянные ритуальные доски — отдельные. Вижу, между ними — цветы, прямо вот посередине — два крупных красных цветка рядом выросли.

Я пришел довольный, я ещё там все поправил. Пришел домой и сестре говорю: «Такико, там цветы». Она удивляется: «Какие цветы? Никто не сажал». Я говорю: «Пойдем, посмотришь, какие цветы!». И она пошла со мной. Приходим, сестра говорит: «Действительно! Кто мог посадить? Никто [из нас] не сажал». Я тоже не знаю, кто. Никаких людей же не было поблизости, никто и посадить цветы не мог... Там, где мы жили, авиационный завод был... Этот завод закрыли незадолго до того, как война кончилась. Поэтому там никого не было. Все наши соседи тоже уехали. Мы одни остались там. Один [наш] дом только. Там даже не было кладбища. Там, где мы жили, никто ещё и не умирал. Где-то чуть дальше были могилы до нас, но где мы жили — тут никого ещё не хоронили. Только моя мать первая, и брат потом. Поэтому я когда-нибудь обязательно съезжу на то место и посмотрю, следы остались или нет.

Охота на тюленя

Юкио [брат] приехал домой. Это было осенью. Несколько дней он был с нами. Меня позвал и говорит: «Пошли на море, там тюлени выходят на берег. Одного поймает. Пойдём».

Как раз снежок выпал. Почему он такое время выбрал? —

---

⁴ *Сотоба* — деревянные ритуальные доски или брусья на японских кладбищах, с описанием имени и даты смерти покойника. Обычно ставят рядом с надгробием для поминовения, а также используют как временное надгробие до подготовки каменного памятника.

Чтобы луна была и было светло. Тюлени выйдут на берег, они все черные, на снегу при свете луны их издалека заметно. И потихонечку подкрадываешься. Они от берега моря метров на 15–16 уходят и на берегу спят. Когда они спят, храпят как люди. Подходишь к ним осторожно: то перебежками, а то и ползком. Мы пошли очень далеко — наверное, за пять километров от нашего дома к морю. А там, как раз у моря, жил мой отец с мачехой.

Мы пришли к ним домой, а до моря нужно было ещё немного пройти. Луна ещё не вышла. Брат мне говорит: «Надо подождать, пока луна взойдет, [а то] темно, ничего не видно». А где пересидеть? Холодно же! Там, на Сахалине, холодно. Он предложил: «Давай, у мачехи, где отец жил», — на улице у них был подвал в земле выкопан. Там хранились капуста, картошка, всё на зиму. Он говорит: «Давай, залезем туда и подождём. Когда луна выйдет, мы и пойдём». Когда зашли в кладовку, там такое место было в кладовке, где стоял мешок с древесным углем. Холодно. Брат говорит: «Давай возьмём этот уголь, — в подвале согреемся». Холодно, страшно, я помню. Нашли какую-то старую чашку, туда положили уголь, спичками брат дрова зажжёт. Сидим, греемся: «О-о-о, хорошо». Голова-то не соображает. Когда огонь начал гореть, мы крышку кладовки закрыли. Потом я не помню. Угорели мы. Брат взрослый был, сразу все понял. Он тоже уже немного угорел, но меня схватил и поднял по лестнице наверх. Я ничего не помню. Он брал снег, снегом мое лицо растирал. Хорошо, что снег был. Ой, как мне было плохо. У меня была рвота, так плохо. Чуть [совсем] не угорели. Если бы он вовремя не почувствовал угар, мы бы оба умерли. Да, брату было, может, пятнадцать, может, шестнадцать лет. Взрослый уже тогда был, работал.

А потом мы всё-таки пошли охотиться. Пришли к берегу, смотрим: луна вышла, далеко видно. Смотрю, чернеет что-то, шевелится — это я помню. У брата такая палка была маленькая в

руках. Я за ним. Он побежал, а я сижу. Потом слышу, «Пах! Пах!» — [это он тюленя] по голове. Кричит: «Айда!». Я подошёл. Его прямо в нос, вот сюда, даже если потихоньку ударишь, он сразу упадет — такое слабое [у него место]. А в другое место — хоть сколько бей, ему нипочем.

Тюлень небольшой был, может быть, 50–60 килограммов. Кругленький такой, пятнистый, знаешь, да? У брата была веревка. Привязали за нос. А он, знаешь, по снегу хорошо идёт, мех скользит. И мы тащили тушу тюленя пять километров домой. Я только сзади толкал, [больше ничего не мог]. Брат всё тащил, он же взрослый был. Пришли домой, сестра ждала нас. Ободрали шкуру, все кишки выпустили. Сала много было — толщина, наверное, 10–12 сантиметров.

Сало убрали, а мясо привязали на верёвку и бросили в реку, чтобы до утра в воде было. Это делается, чтоб кровь вся вышла и, красное мясо тогда станет белым. Утром уже готово, можно на обед готовить. После этого брат уехал на место работы. Он работал у господина Кубота. Это далеко от нас, километров пятнадцать, наверное.

В то время все ели мясо тюленя. Нам отец приносил. Там жили, не знаю, нанайцы⁵ или кто там. Они это мясо отрезают от туши тюленя, прямо сырое в соль макают и едят. А мы варили, потому что мы сырое не ели. Мы мясо в воду положим, и, она всю кровь вытянет. Знаешь, вкусное оно [становится], мягкое, как конина. Сырое я не пробовал, я никогда не ел сырое мясо и сейчас не ем.

Я видел только одного человека из того народа, не знаю, какой нации. Они вдвоём к нам приходили. Второй был русский, я хорошо его помню. Он скупал пушнину, мех. Высокий, здоровый,

---

⁵ Возможно нивхи — один из коренных народов Сахалина и Приамурья. Нивхи употребляют в пищу жир тюленя в сыром виде.

белый — таких я раньше никогда не видел. Я, когда его видел, всё время убегал и прятался. Он покупал мех вот этого... с дерева на дерево прыгает, белки. По-японски как, *рису*? Соболь редко встречается на Сахалине. В основном это белка, потом выдра. Мы этих [зверей] не ловили. Их другие люди, не японцы, ловили. Вот так, я жил [ребенком].

Школьные друзья

В школе со мной по соседству пацан учился, Огава Такао. Мы с ним вместе в одном классе за одной партой сидели. Потом ещё одноклассник был — Сато Юкио. Учились-то много [ребят], а этих двоих я хорошо помню.

А ещё я часто ходил рыбачить. Где мы жили, где наш дом стоял, метрах в пятнадцати-двадцати *тисай кава* — маленькая река — протекала. Она неглубокая была, метр приблизительно глубиной. Я всегда с острогой ходил, ловил *сакана* (яп. рыбу), кету. Когда рыба на нерест подымается, тогда я ходил туда вместе с подружкой, Татеока Томико-сан⁶. Она сейчас живёт в Такикаве⁷, мне часто звонит. Так это она мне рассказала недавно. Я уже не помню, а она сейчас мне рассказывает! Я уже в школу ходил, мать ещё до этого умерла, лет десять, наверное, мне было. А Томико-сан на год младше меня. Вот она единственная подружка осталась живая, свидетель [тех дел]. Она мне всё рассказывает: «Ты меня заставлял гонять рыбу, *сакана* ловить: “Туда! Сюда!” — показывал». Мы вдвоём ходили. Она гоняет рыбу, а я рыбу — острогой. Потому что вода мелкая, кета бегает туда-сюда. Вот так. Больше я никого из тех лет не помню.

---

⁶ По-японски частица *-сан* переводится как «господин» или «госпожа».

⁷ Город Такикава находится на центральной части о. Хоккайдо, в 92 километрах от Саппоро.

Школа

Я в школу ходить не любил почему-то. На Сахалине дикого винограда много. Так вот мы с друзьями осенью любили ходить за виноградом. Не столько для еды, а вот залезть наверх и снять. И играли, как будто мы торгуем, будто всё это наш виноград, и мы с друзьями как бы торговали. Однажды я прогуливал школу целую неделю. Беру сумку и иду. Сестра и отец думают — я в школе, а мы с друзьями в горах.

Через несколько дней учитель спрашивает у отца: «Почему ваш сын в школу не ходит?». «Как не ходит? Выйдет из дома утром, вечером придёт. Задание дают ему...». А мы сами решаем задание, друг сам оценку красным цветом поставит — единицу или двойку, и приходим домой. Сестра смотрит: «Вот, ты плохо учился!», так и шло. А потом учитель сказал, и все раскрылось. Я-то не знаю ничего, иду вечером домой с сумкой... Смотрю — отец около двери-сидит. Сестра рядом стоит. Отец мне говорит:

- Ну-ка, иди сюда!
- И я с сумкой иду.
- Где ты был?!
- В школе.
- А, ты в школе был...

И меня так схватил, а в руках мешок держит. Такой большой мешок. А у нас речка рядом, неглубокая — вот такая, мелкая. Отец взял меня и посадил в мешок, сверху верёвкой привязал и говорит: «Сейчас я тебя утоплю! Почему ты школу пропустил?». Сестра плачет: «*Отосан* (яп. папа), не надо!» — просит. Оттолкнул отец сестру и тащит меня, а я плачу. А что я могу сделать? Думаю, если громко заплачу, он меня ударит, я и молчу. Он меня — бултых в воду. Понятно: он-то знал, что топить меня не будет — испугать только хотел. Ой, я до сих пор не могу забыть! (Смеётся.) Как сижу в мешке там, в воде. Отец очень

рассердился тогда и злой такой был. Он вообще был строгий.

А тут брат Юкио как раз вернулся домой. Он, наверное, в военной школе был тогда или ещё где-то учился. Он на лошади приехал верховой. Вот он едет, я сижу в мешке и реву. Отец меня бросил, и они ушли домой кушать, или так просто — не знаю. Сестра ничем мне помочь не может, потому что отец запретил ей меня отпускать. Сказал: «Не ходи!» — и всё. Сестре жалко меня, она стоит и плачет... Брат едет, смотрит: что такое? Кто-то плачет. Он с лошади слез и меня увидел: «Ой, — говорит, — это Масао сидит. Кто тебе так сделал? Что такое?». «Отец», — отвечаю. Ох, он тогда отца ругал! Он же сильный был, молодой. Он на отца кричал: «Ты что творишь? Он же мог утонуть!». Отругал крепко отца. Ну меня выпустили из мешка, я думаю: «Ой, хорошо!». (Смеётся.) Вот дурак был, да? Маленький дурачок.

А потом однажды сено косили, копны делали. Раньше литовкой косили, вручную. Потом сено собирали в кучу, чтобы на намокло. Отец мне говорит: «Масао, пошли! Помоги мне. Надо быстро сено собрать, а то дождь пойдёт». А мне так неохота идти это сено собирать — ну, не могу, не хочу! Приходим туда, отец мне вилы даёт: «На, собирай сено!». А я как брошу вилы, думаю, убегу! Отец обзлился так, погнался за мной. Поймал бы — убил бы, наверное. Я бежал что было духу есть, а отец всё за мной бежит, как ни посмотрю назад — он бежит. Потом какая-то палка попала мне под ноги, и я — кувырк! Но я маленький, шустрый — быстро вскочил и снова наутёк бросился. А отец — надо же! — тоже об эту палку споткнулся и упал. Я смотрю, а он лежит. (Смеётся.)

Так и не догнал. Прибежал я домой, залез на чердак. Такой чердак был у нас, как второй этаж. Я туда залез, в угол забрался, одеялом закрылся и лежу. Потом отец вернулся: он сено собрал, злой пришёл и сестре говорит: «Ты не видала этого дурака Масао? Где он? Он не стал мне помогать, убежал!». Сестра

отвечает: «Нет, не видела». А сама догадалась, думает: «Где может быть он? Наверное, на чердаке». Я лежал-лежал и уснул, сплю уже. Тут меня кто-то будит. Я испугался, глаза открыл, смотрю — сестра. «Айда, — говорит, — кушать!». Я говорю: «Я от отца убежал, он меня убьёт». «Не убьёт, — говорит сестра, — У него уже злость прошла. Пошли кушать!». Я не хотел, боялся. Но спустился все-таки за едой. Я пришёл, а отец промолчал. Ничего не сказал мне. (Смеётся.) Вот какой я был хулиган!

Не хотел работать, ну что с пацана взять? Маленький был... Вот было ещё... Отец мне говорит: «Лезь на чердак!». Для чего, не знаю. А на чердаке доска лежала, широ-о-кая доска, то-о-лстая. Он говорит мне: «Залезь туда и подавай мне вот эту доску». А сам внизу стоит вот так: встал на лестнице на ступеньку, и руки тянет ко мне. Я сверху хотел ему подать доску, а силёнок нет — не удержал. Сорвалась у меня доска и улетела вниз — ему по голове прямо. Я слышу, он: «Ах!» — и упал. Я давай орать во всю мочь — так испугался! Думал, что отца убил. (Смеётся.) Ничего, обошлось... Он сидел, сидел, а мне ничего не сказал. Вот, такое дело было... Я помню. Конечно, всякое случалось, но давно это все было, много времени прошло...

Отец работал у Фусими-сан. У того было очень много скотины и даже собственный магазин. Отец уходил туда на работу. Ну, и домой часто приходил, у него ведь своё хозяйство тоже было. Но потом он помаленьку своё хозяйство всё переправил туда.

Когда этого Фусими-сана бугай (бык) убил, отец сначала уволился. Потом вдова Фусими-сана стала просить отца, чтобы он работал у неё, как хозяин. И получилось, что отец стал там как бы вроде хозяина. Дальше — больше: отец ушёл жить к этой женщине, иногда приходил домой, продукты приносил, а потом они поженились. Она была на 12 лет старше отца. Он объяснил людям: «Для того, чтобы свою семью содержать, я женился на этой женщине, потому что она очень богатая. Самому мне своих

детей не прокормить». Так он говорил тогда. Это мне сейчас рассказывают сыновья тех людей. Они живут теперь в Такикаве.

Детей у той женщины, наверное, трое было. Я не помню точно. Старший сын у них через какое-то время тоже умер, поэтому она не любила чужих детей. Отцу она сказала: «Ты мне нужен, а детей чужих мне не надо», — прямо так и сказала. Ну из детей-то, получается, я один был. Мицуо ведь раньше умер, до этого.

А я и сам не хотел с ними жить. Мне уже десять лет было, считал себя взрослым. Понимал всё, вижу — она женщина нечестная и недобрая, злая — сам к ним жить не пойду. Потом я уехал к сестре в Тоёхару⁸ из Рутака. В 1944 году сестра собралась замуж выходить за Ёсида Мацуо-сана. А меня куда девать? Меня оставили дома.

Филин

Когда-то мы с братом Юкио вместе ходили в горы на охоту — на зайца, на куропатку. Юкио-то взрослый был. Он с собой на охоту берданку брал, 32-й калибр, и стрелял куропатов, зайцев. А я в кармане камень носил — увижу птицу или ещё какую добычу, кидаю руками, вот так.

Однажды смотрю: на дереве филин сидит. Небольшая, красивая птица. Брат говорит: «Давай я ее из ружья». А я: «Не надо, убьёшь — жалко! Смотри, я ее сейчас камнем». Я кинул камень, и как точно! Попал куда надо — оглушило, но не убило. Филин — кувырк — и упал в снег. Я побежал, поднял и вижу — жив. Ещё когтем меня как цапнет, я даже закричал: «Аа!» — Больно! Замотал я птицу в фуфайку и принёс домой. Смастерил небольшую клетку и посадил туда его. Долго филин привыкал ко мне. Я его всё время кормил. Я ловил *нэдзуми* (яп. крыс и мышей) и запускал в клетку. Он мигом поймает и съест. Вот так я долго

---

⁸ Город Тоёхара — ныне г. Южно-Сахалинск.

филина держал. Он ночью хорошо так поёт, красиво: «Кур-кур-кур-кур».

Потом мы покинули этот дом — я же уехал в Тоёхара. А дня через четыре говорю сестре: «Как же там мой филин? Кто будет его кормить?». Сестра отвечает: «Надо было выпустить на волю, а мы забыли — теперь он сдохнет». Я очень любил этого филина. Он как-то привык ко мне, всё время так хорошо с ним было. И я решил вернуться. Как раз там на бичке камни возили, дорогу строили Тоёхара–Рутака. Тогда машины [общественного транспорта] же у нас не было ещё. Были машины, но мало.

Так я на бичке этой и добирался. Лошадь была запряжена в повозку. Я с этими людьми доехал до Охоэ, а дальше пошёл пешком. Там пять километров до Рутака. Я шустрый был, уже 11 лет мне исполнилось. Прихожу домой, филин сидит голодный.

Надо его выпустить, а мне жалко. Думаю: «Накормить надо сначала. Давай-ка я сейчас *нэдзуми* наловлю». А *нэдзуми* много было. Я ловил такой ловушкой: «Раз!» — вот сюда привязывается, — я четыре-пять таких ловушек поставил и пошёл домой спать. У нас тогда ни койки, ничего не было — на полу спали. Я на полу лежал и уснул. Уснул, а слышу, что кто-то меня зовёт: «Масао, Масао». Я проснулся, кричит кто-то за дверью: «Масао, Масао». Я испугался! Встал потихонечку, дверь открыл, посмотрел — никого нет. Это мне, наверное, показалось, не знаю. Потом я пошёл проверить ловушки. Смотрю — в одну, недалеко от дома, *нэдзуми* попалась, живая ещё была. Я ее взял, тряпкой замотал и так держал. Принёс домой, приоткрыл клетку и запустил туда. А филины днём-то не видят. *Нэдзуми* как кинется на него и глаз выколола ему. А он когтями — вот так — всё равно задавил эту *нэдзуми* и съел. Но глаз-то один уже вытек. Я потом его из клетки вытащил, посмотрел — нет уже одного глаза. Прямо вот так быстро все случилось — страшно! И, главное, у меня была такая натура, сейчас я даже сам себя не понимаю — не мог я сразу

уехать, остался ночевать в этом доме.

Глубокой ночью, где-то в первом часу слышу: поёт филин, как раньше, дома поёт. Я подошел к нему, посмотрел. И подумал: если днём я его выпущу, он же не видит днём, тем более — с одним глазом. Куда он сможет полететь? Я тут же взял клетку, открыл и выпустил. Он улетел, но не сразу. Он из клетки сначала вышел и на крышу взлетел. Долго сидел там. Потом я пошёл спать и полночи слышал его голос: «Кур-кур-кур-кур». Ночью темно было, я лежал и боялся — одному жутко дома. Я вышел, смотрю на филина, а у него же ночью глаза горят. И вижу: один только глаз светится. И всё! И он улетел.

Утром я встал и быстрее назад собрался. Пробежал мимо мачехино дома, вот дорога, а здесь вот речка, здесь мост был. Вот рядом мой отец с этой женщиной жил, мне надо было мимо этого дома идти. Но я не зашёл туда — не мог её видеть, не хотел... И так я вернулся к сестре в Тоёхара.

Переход за границу

Тут говорят, что войну Япония проиграла — не сегодня-завтра русские придут. И все японцы ударились в панику. У кого были моторная лодка или катер, те бежали. Уплывали на Хоккайдо. Буквально все — на Хоккайдо. А у кого не было транспорта, им пришлось остаться — не на чем было выехать. Вот тогда отец приехал в Тоёхара и сказал мне: «Давай собирайся, поедешь к Кубота-сану, это твой...», — как-то сказал он: дядя или кто, в общем — родня, наверное. «Поедешь, — говорит, — на Хоккайдо». Вот так я собрался и с Кубота-саном приехал на Хоккайдо, в п. Омисаки. У Кубота-сана была собственная лодка, собственный дом. От нашего Охоэ километров 12.

Там речка была. Вот на карте посмотрю, вспомню название. Кубота-сан жил там. У Кубота-сана постоянно работали мои

братья. Мы какие-то родственники по маминой линии. Отец как-то договорился с ним. Говорит, пусть пока Масао вернется на Хоккайдо, пусть у тебя поживёт. А то сейчас русские придут, опасно будет. Возьми его. Кубота-сан согласился. В 1945 году, какой месяц я не помню, но это было летом, может, в июле-августе я поехал на его моторной лодке с его семьей на Хоккайдо, в Омисаки⁹, недалеко от Вакканая. И вот я приехал с ним в Омисаки. На моторной лодке два часа от того места, где Кубота-сан жил. Кубота-сан жил от Охоэ в восьми километрах. Оттуда до Хоккайдо два с половиной часа. Мотор у него хороший был. Ближе там. От места, где мы жили, с Сахалина, когда ясная погода, можно увидеть Хоккайдо.

Поэтому за два часа на лодке мы добрались до места. И новое местожительство Кубота-сан занял, начали рыбачить. И я с ними. Прожил я с ними около восьми-девяти месяцев.

Однажды пришли к нам незнакомые люди, и я услышал, что они хотят ехать на Сахалин. По их разговору понял. Один говорит: «У меня осталась там жена, родственники, вот поэтому мы едем». Другой просит: «Кубота-сан, помогите нам. Дайте лодку, чтобы доехать до Сахалина». А у Кубота-сана несколько лодок было безмоторных. Говорит: «Возьми, вот эта хорошая», — и дал им. А я как раз сижу, слушаю их разговор. Думаю, я тоже хочу ехать. И дяде говорю: «Хочу ехать домой». Он отговаривает меня: «Нет, Масао. Сейчас опасно, там русские. Возможно, заберут вас. Наверное, не стоит». А я стал плакать и уговаривать его: «Дядя, я поеду всё равно». И вот, пока его не было дома, я поехал.

Когда мы уже сели на лодку, подошли ко мне дочь Кубота-сана — Судзуко и её подружка, Имако, по-моему, её звали. Они

---

⁹ Местечко Омисаки (яп. большой мыс) у села Соя — ныне Соямисаки (яп. мыс Соя) в городе Вакканая, 30 км от порта Вакканая.

подошли, и Сузуко-сан говорит мне: «Масао-сан, ты поедешь на Карафуту, наверное, ты больше не вернёшься». Почему она так сказала? Непонятно даже.

Из тех, кто ехал на лодке, одна женщина была учительница, вот здесь, на Хоккайдо, в какой-то школе работала, а муж её служил в армии где-то в Китае. После войны он вернулся домой. А родители их проживали на Сахалине. Вот поэтому они и решили ехать назад, на Сахалин. И другие тоже, трое или четверо, я сейчас не помню, кто-то из них говорил: «У меня жена на Сахалине», они все ехали к родственникам своим. И я тоже. Поэтому они взяли меня с собой.

Конечно, никто из нас не хотел оставаться в России жить. Думали — съездим, повидаем своих и вернемся. А пока мы плыли, как начало темнеть, такой шторм поднялся. Я до сих пор не могу понять, как меня судьба уберегла, как я тогда живой остался. Ой-ой-ой, как страшно! Такой шторм был — лодку то вверх высоко подбросит, то вниз кинет. Парус на это время спустили, рулевой был сильный, молодой, лет 30–35, наверное. Он только кричал нам, что делать. И постоянно мы воду вычерпывали. Как хлестнёт волна, так лодка водой полная. У нас был черпак, этим и черпали воду всю ночь. Я маленький был, всё равно хватал, воду набирал, черпал. Лодку как поднимет, как даст! Не видно ничего. Вот рулевой и кричал: «Направо! Налево!».

В общем, всю ночь бились, а к утру тихо-тихо стало. Ох, я и не знаю, каким чудом остались мы все живы! И как стало тихо — полный штиль. Мы уже почти приехали, были почти дома. Осталось, может, километров пять. А ветра нет совсем. И сил не осталось, чтобы грести вёслами, всю ночь ведь боролись с этим штормом. Все устали и так уснули.

Арест

Все мы спали. Внезапно сразу проснулись. Слышу, вот как сейчас помню, какая-то моторная лодка к нам приближается. Смотрим: кто такие? что такое? Моторка подошла к нам, а там русские пограничники с автоматами. Мы тут же все проснулись, испугались. Оказался у них один переводчик. Не знаю, то ли он кореец был, то ли японец, но чёрный [с чёрными волосами]. Он нам говорит: «Куда едете?» Я-то молчу, ничего не говорю. Взрослые говорят: «Мы приехали на Сахалин в свой дом. Вот мы из Хоккайдо... Вот он в армии был, сейчас освобожден... Вот мы едем с семьёй... Вот — Масао сидит, у него родня здесь, в Охоэ живёт». Осталось всего пять километров, и я не доехал до дома. Если бы все так не устали, мы бы доплыли, и пограничники бы нас не поймали. Всего пять километров...

«Сейчас установлена граница Советского Союза, — переводчик нам говорит, — вы не имеете права здесь находиться. Вы все арестованы». Мы плакали, просили: «Мы ничего не знаем... мы домой...». Но нашу лодку сразу взяли на буксир и потащили туда — в Найся¹⁰. Оттуда до Охоэ пять километров. И туда нас потащили. А там, где раньше японцы жили, уже русские выкопали землянку. Это такая постройка — сверху землёй закидано, только такое маленькое окошко на двери есть. И туда, в землянку, нас всех затолкали и сказали: «Вы арестованы. Часовой будет наблюдать». Нам сказали через переводчика: «Лежать всем, голову не поднимать!» Недели будете так лежать — не подниматься. Если в туалет хочешь, бочка поставлена у нас в землянке, никуда не ходить, здесь все делать. Вот так.

Не помню, сколько дней мы лежали. Наверное, с неделю где-то. Я так помню. С кем я ехал, все вместе в одной землянке. Ни пола, ничего не было. Мы лежали на голой земле. Одна женщина

---

¹⁰ Найся — местечко у села Ноторо.

с нами была, молодая, ей где-то 20 лет было, она учительницей работала. И она тоже с нами, и муж её.

Давали грязное ведро с водой, его принесут, часовой откроет дверь и поставит. И какая-то была посуда, чашка. Черпали ей из ведра воду и пили. Первый день, второй — нам вообще еды не давали два дня. На третий день принесли грамм двести хлеба, потом суп такой, баланда называется по-русски, ее давали. А жара, представьте, как это в августе. В землянке мы сидели. Очень тяжёлое положение, но мы ничего не могли поделать.

Один раз вечером, смотрю, подъезжает японская машина. Такая, ещё не бензином топилась, а дровами. Раньше были такие. Эта машина подъехала, там русский солдат и шофёр, — по-моему, японец. Они собрались нас везти в Рутака и ехать мимо моего дома.

Когда нас арестовали и когда я в землянке сидел, я говорил переводчику: «Мой *отосан* (яп. папа) живёт в Охоз, передай, что я приехал с Хоккайдо, и что нас арестовали». Возможно, удастся с ним встретиться. Но русские никого не пускали к нам. И вот, когда ехали мимо нашего дома, я просил этого переводчика: «Пожалуйста, скажите отцу, что я еду на этой машине». Они проехали через мост, машину остановили возле дома, где отец с той женщиной жили. Смотрю, отцу сказали, что я приехал. Отец сразу прибежал, но его близко не подпустили, часовой отталкивал его.

Когда я от Кубота-сана выезжал, тот передал мне для отца табак и лекарство. В то время, когда русские пришли, на Сахалине очень трудно было табак и лекарства найти. Вот Кубота-сан их и передал. «Отдай, — сказал, — *отосану*». У меня была с собой небольшая сумочка. Я сказал переводчику, но он так и не дал мне поговорить с отцом. А его толкают от машины. Я говорю, что вот это для него подарок Кубота-сан передал, здесь табак и *кусури* (яп. лекарство). Они взяли передачу и бросили отцу. Отец подобрал.

Не дали нам даже слово сказать друг другу, меня сразу в машину впахнули и уехали. С того раза я больше не видел отца.

Глава II. В лагере

Тюрьма в Рутака

Когда мы приехали в Рутака, у них был большой дом, он служил тюрьмой. До суда мы сидели в этой тюрьме, наверное — с августа, сентябрь, октябрь — где-то три месяца. Вместе со всеми, с кем я плыл в лодке. Кроме нас там сидело человек сорок: японцы, корейцы, и русские сидели. Пока мы находились в тюрьме, в Рутака, меня заставляли работать. Но так как я маленький был, меня приставили к работе в пекарне. Там русские солдаты хлеб пекли. Меня заставили дрова подтаскивать, они печку топили дровами. Вот я и подносил дрова. Среди русских солдат был один очень хороший парень. Он видел, что я голодный. Когда вынимал хлеб из печки в форме, он специально так делал, как будто случайно уронил его на пол. Им не разрешали давать арестантам хлеб. А он бросит — и хлеб ломается. Он и говорит: «Этот хлеб не годный теперь, давайте отдадим». Вот так он давал хлеб мне и другим давал. Я около месяца работал в пекарне, подносил дрова. А хлеб я сам не ел один — друзьям приносил.

Суд

Нас судили в Рутака. Я был несовершеннолетний, поэтому они не имели права меня судить. Но тогда была закон Сталина, поэтому меня судили. Дали тюремное заключение год и шесть

месяцев. А остальным взрослым, которые со мной ехали — всем по три года, как за переход границы. Потому что граница уже установлена была Советским Союзом. Переводчик на суде был русский. Он по-японски вообще не понимал. Я ничего не понял, что он говорит. Говорю ему по-японски: «Мне тринадцать лет, вы за что меня сажаете в тюрьму? У вас, у русских, есть такой закон?». Он что-то говорит — я ничего не понимаю. Он не понимает по-японски. А он переводчик! Вот так вот нас и судили.

У пограничников был японский был переводчик, который по-русски умел говорить. А при тюрьме другой переводчик — русский был на суде. Что он мне говорил, на каком языке? — я так ничего и не понял. (Смеётся.)

В те времена, знаете, после войны, какой закон был? Никакого закона! Это страшные вещи были. Когда Сталин судил за коробку спичек! Взял коробку спичек — пять лет тебе! У Сталина был такой закон. Я, когда в Казахстане был, рассказал об этом кэгэбэшникам, кэгэбэшник мне говорит: «Миура-сан, мы ни при чём. Это был сталинский закон. Мы ничего не могли. Сказал — сделано! Вы, Миура-сан, не обижайтесь». Вот так. Уже в нынешнее время это было. Кэгэбэшник мне так сказал: «Вас, Миура-сан, не имели права советским законом судить! Потому что вам тринадцать лет тогда было. Несовершеннолетнего не имели права судить! А тогда сталинское время было, на Сахалине вообще не было закона. Вас судили. Конечно, это огорчает, Миура-сан, но сталинский закон».

Рутака – Маока – Владивосток

Однажды вечером нас всех вывели из этой тюрьмы в Рутака. Было нас человек, наверное, пятьдесят. Большинство японцев — человек тридцать где-то. А остальные были корейцы и русские.

Потом ведут всех и сажают на поезд до Маока¹¹. Это было, наверное, в октябре.

Поезд прибыл в Маока ночью. Было темно. Нас высадили, а там конвой, часовые с автоматами и винтовками нас охраняли, чтобы не убежали. Потом нас конвоировали до парохода. Большой пароход, русский был. Там в трюме сено лежало — наверное, раньше скот возили, коров там или лошадей, не знаю. Огромное судно. Нас всех посадили туда, в трюм. В том числе была учительница, которая со мной вместе из Омисаки плыла, вот эта женщина, и ещё русская девушка, молодая — лет 18–19 ей. И ещё две японки. В общем, три женщины-японки и одна русская сидели с нами вместе. А всего человек 50 или больше. Трюм метров восемь высотой. Сверху спускаться в трюм надо по канатной лестнице. Но сил пока у нас хватило — спустились туда все пятьдесят человек.

Тут немного неудобный разговор, но я расскажу то, что видел. Я думаю, что надо и это рассказать... Так вот, всех нас посадили в трюм. Восемь метров почти от палубы до трюма. Мы сидим там. А ехали трое суток. У них была такая договорённость — трое суток не кормить нас вообще! Никаких продуктов нам не давать! Только воду в ведре на канате спускали нам. Мы к ведру этому все кидались. Пятьдесят человек, представляете? Все разом кидались — кому досталось, кому не досталось. Вот так пили воду.

День ехали, потом на второй вечер смотрю, что такое? Мне уже было 13 лет, всё-таки я кое-что уже соображал. Я смотрю: русская девушка спускается, одна из четверых женщин. Они с нами не сидели сначала, где-то наверху была. На вторые сутки ночью девушка спускается по верёвочной лестнице. Вот не знаю

---

¹¹ Маока — название города на западном побережье Сахалина, ныне г. Холмск.

— часовой её пустил, или она самовольно, не могу сказать. А там в трюме русские солдаты сидели. Вся одежда на них была солдатская, но только без погон. Наверное, они что-то натворили, за это их посадили несмотря на то, что они русские. Эти ребята, 18 человек, я считал, все были русские. Ну и... что я могу сказать... Сказать, что они насильовали — нет, она, похоже, сама согласие дала, потому что не сопротивлялась, не кричала... А они вот этим грязным делом занимались. Это слово ужасно, не могу даже говорить. Я, конечно, не смотрел, отвернулся. Часовые боялись спускаться — пятьдесят человек сидят, а их там всего трое, боялись, что их скрутят. Ну и шума не было, потому что девушка сама была согласна. Я считаю так, потому что никакого сопротивления там не было. Мы голодали трое суток в пути, да и на Сахалине сколько месяцев сидели полуголодные.

Прибыли через трое суток в порт Владивосток. Нас высадили. Сил не было уже по этой канатной лестнице подниматься наверх. Так нас верёвкой привязывали вот сюда (показывает подмышки), и сверху вытягивали нас. Мало кто мог самостоятельно. Я половину поднимался сам, силенки оставались, потому что маленький был. А большинство — не могли подняться сами, их на верёвке тащили наверх.

Начали вызывать по фамилии. Пятьдесят человек погрузили, значит должно быть пятьдесят человек. Выкликают, а мы выходим: Миура Масао — «Я!», Иванов — «Я!», Сидоров — «Я!». А они считают. Потом получилось, что двух человек нет по их счёту. Часовой стал проверять — точно, двоих не хватает. Как так! О-о-о, нас держат, не ведут никуда, а мороз как раз уже был. Во Владивостоке в октябре-ноябре морозы наступают. Мы всё стоим. Оказывается, два русских солдата — на корабле вот такая отдушина, вроде как труба — так они туда залезли, спрятались. Думали, когда назад пароход уйдёт на Сахалин, там выйти и убежать. Так они что сделали? Сами не смогли найти, так собаку

привезли. Да не одну — две собаки-ищейки. Эти собаки побегали и нашли их. И сразу наручники им надели. (Смеётся.)

Вот, представьте — для меня это был самый ужасный момент! Началась сортировка. По фамилии вызывает — и кого куда. Иванов, значит — направо! А Миура, скажем — налево! Такая сортировка началась, кого куда везти. И дошло до тех, которые со мной плыли из Хоккайдо. Вот те муж с женой. Мужа в одну сторону, жену — в другую. Она вцепилась в мужа. Часовой подошел и растащил их, она плачет — все равно оттолкнул. И в конце концов она попала как раз со мной в одну группу, на новое место ехать, а муж ее — в другую. О-о-о-ой, страшно было, как она плакала! Это вспоминать невозможно.

Из порта во Владивостоке нас в тюрьму повезли. Нам досталась страшная большая тюрьма! Несколько этажей там, на каждом этаже охранники, железные решётки. В жизни никогда я такого не видел. Там мы находились целый месяц до декабря. Мороз достигал тридцати градусов, а бывало и больше.

Владивосток – Хабаровск – Иркутск

Во Владивостоке нас сажали в камеры по шесть, по восемь человек. В разные камеры раскидали. Мы в тюрьме во Владивостоке, помню — ноябрь был, месяц где-то сидели. Когда в камере сидел, в неделю раз выводили на прогулку. Там зона закрытая. Но очень холодно было, морозно. А мы все одеты в летнее — из Японии ехали. Никакой одежды не давали. Как из дома уехал, во что был одет — в том и были.

Через месяц нас повезли на поезде. Был тюремный вагон, специально разгороженный, ну как чтобы скот возить. Везде решётки. На этом поезде нас отправили в сторону Хабаровска. В общем, я не помню, сколько дней ехали в этом тюремном вагоне — долго. Сначала в Хабаровск. От Хабаровска — в сторону

Иркутска. Начались сильные морозы. Это уже где-то в декабре было.

Пятьдесят человек попали в разные вагоны. Не знаю я, сколько было вагонов. В каждом вагоне по два отделения тюремщиков находилось. С моей стороны, где я сидел, и с другой тоже. Разместили по четыре-пять человек на камеру. Ну, там везде перегородки, не сплошные. Мы ехали. Не доезжая Хабаровска, там железнодорожная линия идёт прямо рядом с озером Байкал. Мороз стоял сильный, озеро было покрыто льдом.

Потом едем дальше, в поезде нас не кормили. Из Владивостока до Хабаровска ехать где-то двое суток. Нас ничем не кормили, совсем. Сидим все, и через перегородки — там всё открыто — друг друга видим и можем разговаривать. И один японец говорит: «Сейчас умер один». Его тело вытащили [тюремщики] из камеры и на ходу выбросили в озеро. А озеро-то застывшее. Он на лёд упал, да и всё. Я говорю: «Ничего себе!». «Мёртвого не будут везти на поезде». Да, тюремный вагон...

Мы ехали дальше. Прибыли на станцию Чита, не доезжая до Иркутска. Там очень большая тюрьма, так рассказывали. До Читы доехали, и тут наш вагон от паровоза оцепили. Поезд ушёл, а мы стояли там с утра почти до вечера. Уже вторые сутки не кормили, а потом часовой — тот, что караулил нас, — говорит: «Нужны три человека — сейчас идти за хлебом». Там, километра четыре от Читы, где-то пекарня есть. Надо, говорит, за хлебом идти, принести для заключённых. Выбрали троих — молодые, здоровые ребята, их из камеры выпустили, и они пошли за хлебом. Их не было часа полтора, наверное. А потом они принесли хлеба, и нам выдали по двести грамм хлеба.

Потом мы ехали дальше. Сколько ехали, я не могу сказать, точно не помню. Ещё несколько дней. К обеду мы приехали. Иркутская тюрьма очень большая. Нас из поезда высадили, и часовые конвоировали прямо до тюрьмы. Много нас было,

человек, наверное, двадцать пять. Зашли в камеру. Камера была общая. Там уже где-то человек двадцать пять заключенных сидели. И нас всех туда же. Были японцы, ну точно не знаю, человек двадцать пять, наверное. А ещё разные нации, в основном русские, все молодёжь сидели, солдаты. И корейцы были. Камера была большая, все пятьдесят человек в ней одной поместились. Там такие сделаны нары, внизу и вверху. Вот так — по всей длине, там может двадцать пять человек лежать в ряд, такая длинная.

Вечером пришли тюремщики, и нам всем дали хлеба. В камере пятьдесят человек сидит. Пайка хлеба — по четыреста грамм каждому, по отдельности. Такой порядок.

Пятьдесят человек и пятьдесят паек должно быть. Часовой и два тюремщика принесли нам в камеру на деревянных носилках пятьдесят паек хлеба. Хлеб приносили два-три человека. И в тюрьме, в этой камере, назначали одного человека за старшего — он должен был следить, когда пятьдесят паек хлеба принесут и по фамилии вызывать будут, чтобы каждому по одной своей пайке досталось. Чтобы не было недоразумений — кто две захватил, кто три, а чтобы каждый по одной получил.

Так, а что получилось? Занесли хлеб, часовой ушёл, дверь закрыли. И тут хулиганё как соскочили с нар, да как дали! Хлеб лежал вот так на столе, а они как кинулись, и кто сколько хочет давай отбирать. (Смеётся.) А я на нарах сижу. Только я хотел встать — идти хлеб получить. А тут, смотрю, какие-то шум, крик — не пойму, [что происходит]. Хлеб летает туда-сюда. Хватают все, кто сколько хочет, забирают себе. Я думаю: «Мне тоже надо идти взять!». Голодный ведь, что делать? Света нет. Электричества в тюрьме не было, а была керосиновая лампа. А хулиганы его [старшину] сразу ударили и лампу сразу потушили. Темно в камере, ничего не видать. Я маленький был, так я ползком... И нашёл один кусок хлеба. (Смеётся.) Давай быстрее

к себе на нары, залез туда — сижу, кушаю. А внизу шумят, дерутся, кто-то отбирает у другого, кого-то бьют, ну темно, не видно ничего.

Русские дрались с японцами. Сначала русские напали на японца, японцев сидело человек двадцать пять. Японец с японцем не будет же драться, хлеб ведь мы у своих не отбирали. А русские у наших отбирали пайки. А у нас, у большинства, и у меня сил-то совсем нет — сколько уже сидели голодными... Худой был, не было сил драться.

Был в камере один японец, видимо, военнопленный, потому что на нём была японская солдатская одежда, — молодой, лет тридцати, физически крепкий. Он их действительно бил, вот этих хулиганов. Они на него нападали, а он на них. В общем, там каша была.

В камере находится такая бочка, параша называется. Это туалет, все ходим туда. Параша, тюремное такое слово... (Смеётся.) Там же туалета отдельного нету, бочку поставили, все должны туда ходить. Вот такая высокая. На скамейку встанешь и туда... Так, там один был, которого назначили старшиной, высокий, который хлеб должен был делить на всех. Двое его поймали, прямо в парашу головой засунули. У него ноги торчат наружу — вот так... (Смеётся.) Чуть не задохнулся: дают ему вздохнуть, он дышит, дышит, потом снова топят, потом вытащат его, а как очухается — опять его туда. Вот так наказали его...

Часовой на это только смотрел через наблюдательное окошко. Всё видел, только зайти боялся — в камере ведь пятьдесят человек, задавят его! Он пока сообщил только, а потом смотрю, три солдата с автоматами к нам забегают. У них фонарь был. Они зажгли опять керосиновую лампу, поставили на место. Ночью еле видно всю камеру. Начальник тюрьмы, или кто он там, не знаю, пришёл и спрашивает: «Кто зачинщики?». А один русский вышел и говорит: «Вот этот!» — и на японца показывает. — Вот этот

японец, он нас бил». Там переводчик был, переводил нам. «Давай, выходи! В сторону его! Ещё кто?». А японцы говорят: «Вот эти вот — русские, вот эти вот, и этот высокий». В общем, этих всех троих забрали. Я их больше не видел.

Мы в этой тюрьме в Иркутске, наверное, две недели сидели. Кормили по триста граммов хлеба, и такой жидкий суп был, тарелку получали. Один раз в день. Завтрак, обед — такого не бывает там. Утром дали один раз — и на целый день.

Мариинский лагерь

Из Иркутска нас опять повезли на поезде. Почему-то всё время нас ночью возили. Наверное, чтобы мы дороги не запомнили. Мы ехали из Иркутска, а конечная станция была — Мариинск. Сколько ехали, не могу даже сказать — день, может больше.

В дороге нас учили русскому. Мы же по-русски не понимаем. Учили нас на раз-два-три. Всем японцам говорят: «Все вместе — раз, два, три!», потом: «Гражданин начальник, дай хлеба». Вот этим словам они нас учили. Ещё: «Дай воды». Как по команде один говорит: «Раз, два, три!» — и все пятьдесят человек сразу в один голос: «Гражданин начальник, дай хлеба! Дай воды!», и стучим вот так [по дереву]: «тук-тук-тук-тук». Они после этого нам понемногу хлеба давали. Вот так русские нас учили. Мы же не знаем, как просить-то. Так мы и доехали до станции Мариинск. Сейчас можно определить, сколько там от Иркутска до Мариинска, по карте можно посмотреть.

На станции Мариинск зона была, трудовой лагерь. Всех нас с поезда высадили, и часовые конвоировали нас до лагеря. В лагере много точек [лагерных пунктов] было. Там все заключённые работали, кто на какой работе. В Иркутске сортировку делали, и мы, одни японцы, попали в этот лагерь, Мариинский. И та

учительница, которая со мной плыла на лодке из Хоккайдо, со мной попала. И многие другие, в основном японцы были, но не все. Были ещё корейцы. А русских не было. В зоне-то русские были, но, когда нас вели туда, только мы одни были.

В январе месяце мороз достигал до сорока! О-о-о, у нас ноги, руки так замерзали, аж двигаться не можем! Да, страшно... Бегом, бегом, чтобы не замёрзнуть. А до лагеря идти нужно было километров шесть от этой станции, с железнодорожного вокзала. Мы все в летней одежде, кто в чём был. Ой, страшно было! Шли в лагерь ночью, пешком. Женщин в зоне отдельно поместили. Женская колонна и мужская — два барака стояло рядом.

Позже разрешили после работы общаться. Из женской колонны разрешали прийти в мужскую зону поговорить. А мужчинам ходить в женскую зону было запрещено. Женщины, у которых были знакомые мужчины, приходили советоваться. Эта японка, учительница с Хоккайдо, часто приходила ко мне. Ну, я ей был как младший братишка — так получилось, вот она и приходила повидаться, поговорить.

Я был среди взрослых один ребенок. Поэтому меня оставили в зоне работать. А знаете, какая работа была? Я нитки изготавливал, плёл. Вот такой станок деревянный, вертушка — ногой крутишь, она вертится, и нитки тянутся из ваты. Я плёл нитки. А норма была — сплести один килограмм ниток. Не знаю, за сколько времени — часа за три, за четыре. Работал я вечером, днём редко. Моя смена была вечером. И вот, килограмм ниток если принёс, тогда тебе давали шестьсот грамм хлеба. А если не выполнишь норму, значит — четыреста грамм.

Взрослых японцев, которые сидели там, и корейцев, и других — их гнали на лесозаготовки. Рубили там лес, пилили или что ещё там делали, я не знаю. Я ведь маленький был, силёнок нет, худой. Какой из меня работник? Вот меня заставляли прясть нитки вместе с женщинами. Там женщин много работали, один я

с ними был пацан.

Всю зиму я работал. А что делать? Надо же себя прокормить. Я нитки прял и отлично всё время норму выполнял. Я должен был в этом лагере полтора года отработать. Настала весна. Меня уже убрали с этого места, где нитки изготавливают. Гоняли нас на поле сажать свеклу и разные другие овощи. По бригадам делили, пятнадцать где-то человек в каждой. И мы сажали — свеклу, картошку там, всякие разные овощи сажали.

Весной нам одежду дали. Мне дали ботинки, вот такие [большие!] (Смеётся.) Это были солдатские ботинки, я помню — кожаные, русские ботинки такие. До поля, где мы работать должны были, нас конвоировали. По дороге идешь: кое-где, где прошлогодняя картошка была, ее выкопали, а некоторые клубни в земле остались. А мороз такой сильный был, что они замёрзли, белыми стали. Мы идём голодные, кушать-то хочется. Увидим это замёрзшую белую картошку, и — раз! — хватаешь и сразу кушать! А часовой, если увидит, то тебя бьёт — нельзя кушать. Так мы втихаря, чтобы часовой не видел, — схватил, вот так, об себя, счистил грязь и сразу в рот, чтобы часовой не увидел. (Смеётся.) Украдкой кушали. Вот так мы и работали.

Летом там было очень много малины, земляники. Много-много. Это там не сеяли, это просто растёт, само. Мы корзинками каждый день собирали ягоды летом и осенью. Черёмуху собирали и ещё разные-разные ягоды. Мы собирали и сдавали.

Я с мужчинами работал. Женщины отдельно. Нас вместе не водили. Колонна женщин, колонна мужчин. В сентябре месяце мы уж, п урожай снимаем — копаем свеклу, картошку, прямо с утра. Кушать заключённым на бричке возили прямо в поле. Еда была — по кусочку солёной рыбы и хлеба, а суп был такой — прямо одна вода, там ничего и нет почти. Вот этим и кормили.

Двое часовых сопровождают колонну в пятнадцать человек, ведут на работу. Эта процедура происходила каждый день. Утром

в восемь часов мы встаём, покушаем, где-то в полдевятого уже нас оправляют — идём пешком на поле, два километра примерно. Вот так и продолжалось.

У нас в лагере был такой закон. Вернулся в зону, зашёл в комнату — ни с кем не разговаривать. Шумных разговоров чтобы не было. Пришли — сразу легли спать. И мы так и выполняли этот их указ.

Однажды вечером я домой вернулся, смотрю, пришла та японка, которая со мной плыла с Хоккайдо. Я, к сожалению, забыл её фамилию, не могу сейчас вспомнить. Она пришла. Я смотрю — что такое?! Лицо у неё совсем изменилось, опухшая такая стала, бледная. И руки, и всё у неё опухло. Она говорит: «Масао-сан, я пришла тебе сказать — я, наверное, не выживу, умру. Где мой муж сейчас? Меня, ты же сам видел, в Мариинск отправили, а его куда отправили, я не знаю до сих пор. Уже скоро год сидим. У нас переписки нет никакой. Поэтому вдруг ты его встретишь — ты молодой, выживешь, вернёшься домой на Сахалин, передай тогда, расскажи обо мне. А то я, наверное, умру». Вот так она однажды мне сказала.

Я, конечно, очень расстроился. На работы всё равно ходить надо было, я продолжал работать. И на другой день опять меня на поле, на уборку отправили. Возвращаемся вечером, опять под конвоем, с часовыми. Стали подходить к зоне, смотрю — бричка едет навстречу, а на ней что-то зашитое в мешок, вроде длинной подушки, везут. Колонна остановилась, заключённые стоят все. И часовые встали, сняли шапки и поклонились. Я думаю: «Что такое?». Я же не знал про этот русский обычай, если встретишь покойника. Оказывается, человек умер, его везут сейчас хоронить. Ну там, конечно, можно сказать, не хоронить, а закопать просто. Яму выкопают, да бросят туда. А потом один японец мне говорит: «Миура-сан, это женщина умерла, которая к тебе всё время ходила, с которой ты вместе ехал с Хоккайдо на Сахалин. Она вот

и умерла сейчас». Вот оно как! А я и не знал, что [это её уносили]. ещё говорит мне: «Когда она умирала, звала тебя, Масао-сан. Что-то хотела, верно, сказать тебе. Ну, а тебя, жалко, не было, вот она не дождалась и умерла».

Я очень плакал. Я её считал вроде как моей родной сестрой. Мне было очень тяжело. Вот так и она умерла. Потом — только работа, день-ночь, день-ночь. Ночью приходишь в зону, ни с кем не разговариваешь, сразу ложишься спать. И так незаметно мой срок, все полтора года, и прошёл. Я не знал, когда у меня срок кончится. Ничего я не соображал, просто работал да работал вместе со своими японцами. Я больше ни о чем не думал.

Глава III. Первые годы в Казахстане

Освобождение

Однажды утром я встал и стал собираться идти на работу. Это была в конце августа. Смотрю: ко мне подходит какой-то военный, русский, а с ним переводчик. Переводчик японец был, чисто говорил по-русски. Он тоже чёрный, причём не сидел, из вольных. Начальник говорит: «Масао-сан, у тебя уже срок кончился сегодня. Тебя судили, дали полтора года. Ты уже отсидел. Теперь тебя отправляем». Я как обрадовался! «Ох, как хорошо — я поеду домой, на Сахалин», — говорю. «Нет, Масао-сан, тебя на Сахалин не отправляют. Это запрещено тебе, — говорит, — тебя отправят в Казахстан». Я: «Куда? Что такое Казахстан?». А он говорит: «Это далеко отсюда, дней десять надо ехать на поезде. Японцы любят тепло, в Казахстане тепло, поэтому тебя туда и отправляют. А домой — на Сахалин, в Японию, это потом, может быть, тебе разрешат». Ну что делать? Ничего не поделаешь.

«Давай, собирайся!» — говорят. А что мне собираться? Мне собирать нечего. Приходим в такое специальное место. Они мне написали бумажку. На этой бумаге было, наверное, написано: «Японец Миура Масао, осуждённый на полтора года тюрьмы. Сейчас отбыл свой срок. Направляется в Казахстан». Наверное так. Такую бумагу мне дали. Стояла печать. Мне дали на дорогу на десять дней сухарей и рыбы. В Байкале она водится, омуль

называется. Вот этого солёного омуля несколько штук мне дали. И куски сахара-рафинада несколько штук. В общем, дали сухой паёк на десять дней. А денег нет никаких, ни копейки — ничего не дали. Только вот это. И говорит: «Пошли!». Привели меня опять туда, откуда мы в лагерь пришли — на станцию Мариинск, железнодорожный вокзал. Тогда пассажирских поездов не было, стоит товарный поезд. Начальник, через переводчика, мне говорит: «Сейчас садись на этот поезд и езжай до Новосибирска». Переводчик мне объясняет: «Ты доедешь, Масао-сан, до вокзала Новосибирск, там ты должен сойти с этого поезда. Поезд дальше не идёт. А там дальше я не знаю, как что, там ты сам найдешь, как ехать в Казахстан». Как я искать буду? Что искать? Я говорю: «Нет, я не хочу. Не поеду я ни в какой Казахстан! Давайте, ведите меня лучше обратно в лагерь!» «Нет!», — это начальник говорит, переводчик передал ему по-русски мои слова и ответ его мне переводит. — «Никакой тюрьмы. Срок твой уже кончился, тебя не возьмут. Куда тебе назначили ехать, туда ты должен ехать!». Ничего не поделаешь. Я махал им рукой, даже в лицо им не посмотрел, плакал. Сел на поезд и поехал.

Новосибирск

Куда еду? Что за Новосибирск? Не знаю. Ни одного слова по-русски не знаю, кроме «Дай хлеба!», «Дай воды!». Так и ехал. Сколько времени ехал до Новосибирска, не помню. Но приехал в Новосибирск, поезд остановился.

Смотрю — все люди сошли, в вагоне уже никого нет. Я тоже пошёл. А куда идти, не знаю. Люди идут, и я за ними шагаю. Дошли до места при вокзале, где продают билеты. Людей много, но я один, конечно, японец. Я смотрю, там небольшое окошко, где билеты продают, люди подходят туда, я тоже в очередь встал. Подошла моя очередь, я даю эту бумагу свою. Женщина в окошке

посмотрела, прочитала, там же по-русски написано, — головой мне покивала и говорит: «Вот, ночь будет, темно», показывает мне знаками, вот так — «темно будет» и что поезд придёт вечером. Ну, я догадался, что она примерно говорит. Потом говорит: «Вечером будет радио», — и повторяет: «Радио, радио», — а это слово японски такое же, я понял. Потом говорит: «Алма-Ата, Алма-Ата». Радио должно сказать: «Поезд отправляется в Казахстан до города Алма-Ата». Вот так она примерно мне толкует. Я догадался: «Ага! — думаю, — вечером, когда стемнеет, поезд придёт, и мне надо садиться в этот поезд, он идёт в Алма-Ату».

А дело уже к вечеру. Она говорит мне: «Не сегодня — на следующий вечер, сегодня ты должен здесь ночевать». Показывает мне знаками: «Спать здесь». А спать как? Прямо на вокзале? Там никаких скамеек, ничего у них нет, только голый цементный пол. Там сотни людей. После войны много инвалидов — безногие, безрукие — сидят, лежат на полу, голодные, босые. Дети тоже спали на полу. Сотни людей там. Огромный, большой вокзал в этом Новосибирске. Я походил. У меня вещевой мешок, который мне дали в лагере, там сухари и рыба. Он как рюкзак, на спине у меня. Когда из лагеря освобождали, ещё дали мне солдатский бушлат, одежда такая теплая, вроде фуфайки и гимнастёрку солдатскую дали. Это рубашка такая, с карманами. Ещё выдали нижнее бельё, конечно и галифе солдатское. Галифе — это такие широкие штаны, солдаты носят.

Поискал себе место, где посидеть да поспать. А холодно. Но бушлат хорошо греет. Ничего! Я нашёл уголок, стало темно, может быть, одиннадцать часов ночи. Какой там сон! Не спалось. Всё думаю: «Как мне быть дальше? Что со мной происходит? Почему меня не отправили на Сахалин?». Всё думал. Какой там спать? Спать меня не тянет.

Потом всё-таки я лёг на полу, мешок свой положил под голову и уснул. А под утро слышу — кто-то как дёрнет, и голова моя

стукнулась об пол. Вскочил, а мешка нету! Утащил его кто-то, а с ним и сухари, и хлеб, что мне в тюрьме на дорогу дали. Что делать? Совсем мне теперь кушать нечего! Утром рассвело, люди стали ходить. Туда-сюда, туда-сюда. А при вокзале была горячая вода, текла из крана на улице. Люди ее набирали и пили, с хлебом или ещё с чем-то, что было у них. Кто-то умывался... Я тоже подошёл. А у меня с собой ни кружки, ничего не было, чтобы попить воды. Но там консервные банки валялись, я одну ополоснул — всё чисто. Набрал ею воды этой горячей, попил. Но кушать-то хочется, а еды нету!

Не знаю кому что сказать, ничего не знаю. Что делать? Потом, когда уже день настал, смотрю люди ходят там перед вокзалом. Оказывается, там был небольшой базар (как черный рынок). Люди продавали кто что мог, свои вещи старые — кто рубашку, кто брюки, кто ботинки. В общем, всё продавали, продукты и домашний хлеб, лепёшки, кукурузу, картошку варёную — всё продавали.

Я постоял. Смотрю, один мужик стоит, торгует бушлатом. Совсем как мой бушлат. Я стоял, стоял, долго смотрел. Один мужик подошёл, купил. Смотрю: деньги даёт. Я думаю: «Давай, я тоже свой продам!» Не подумал даже о том, что мне будет холодно. Вот гимнастёрка остаётся. А я голодный, что делать мне? Я сразу подумал: «Дай я сниму, постою. Может, кто купит». Снял я бушлат и стою — держу его вот так. Недолго стоял — один подошёл. Взял у меня бушлат, проверил, посмотрел. Он почти новый у меня был, только что мне его дали. Он мне деньги даёт, а какие деньги — я ведь не знаю. Он мне тридцать рублей дал, бушлат мой взял и ушёл.

Я думаю, что с этими деньгами могу сделать? (Смеётся.). Надо что-то купить поесть. Что купить? В первую очередь — хлеб! Я пошёл, смотрю, женщина стоит, торгует лепёшкой, такой круглой. Наверное, килограмма не будет, граммов семьсот.

Оказалось, вот эта лепёшка тридцать рублей стоит. Я подошёл, стою, молчу — спросить-то не могу. (Смеётся.) Деньги держу, ничего не говорю. Что я мог сказать? — «Хлеб, хлеб», — я только и умел говорить, потому что нас учили. Я и говорю: «Хлеб, хлеб». Она у меня деньги взяла. Я испугался, а она лепёшку мне даёт. Я взял, довольный, эту лепёшку. Радуюсь, что она дала. Не понимаю ведь ничего — просто я был очень голодный.

Эту лепёшку можно за один раз съесть. Можно, конечно, немного дольше протянуть. На два дня, может — на три. Я сразу подумал: «Нет, я всё не буду есть!». Небольшой кусочек взял, отломил и съел. Пошёл, в свою банку воды горячей набрал, там, при вокзале. Сел в уголок, немного хлеба поел с водой этой. Остальное — в карман. Мешка-то у меня уже нет, утащили. Я в карман положил. И жду вечер, когда поезд подойдёт.

Я ещё раз подошёл к окошку, наверное, в пять вечера. Начало темнеть, и я подошёл. А та женщина говорит: «Да, да! — и руками машет, — сейчас придёт поезд!». Говорит: «Радио, слушай радио. Алма-Ата, Алма-Ата. Садись». Ну я понял. Я пришёл на перрон. А народу там полно! Действительно, я слышу — радио говорит, а я только одно слово понимаю «Алма-Ата». Больше ничего. Ну, оно говорит: «Граждане, поезд направляется в Казахстан, в город Алма-Ата». Я слышу: «Алма-Ата»! А мне что собираться? У меня ничего нету. А люди что-то хватают, собирают вещи и бегут все куда-то. Я тоже за ними. (Смеётся.) Откуда мне знать, куда они все бегут? Может, вовсе в другую сторону? Ну мне же надо спешить на поезд, а раз они бегут, значит, наверное, тоже, — я так подумал, — им в Алма-Ату надо.

Ну, тут мне, правда — судьба, что ли, помогла. Я бегу за ними, сам не знаю куда. А станция, знаешь, вокзал, рельсы железные... Бегут все прямо по путям — одни туда, другие сюда! Я за одним человеком держался, а потом раз — и потерял его! Не знаю, куда теперь. Смотрю: вот ещё другие бегут — я за ними! Знаешь, как

повезло мне, как угадал! Они как раз в Казахстан все ехали, понимаешь?! А поезд-то не пассажирский, а товарный. Там ни ступенек, ни подножки, ничего — прыгали просто, кто как может залезали. Ночь, темно, ничего уже не видно. Слышу: несколько человек прыгают в вагон этот, а вагон-то стоит. Я за ними. В вагон запрыгнул. (Смеётся.) Там руками пощупал, вроде — солома лежит. Я забрался в угол и сижу. Бушлата-то нету, в гимнастёрке холодно. Сжался я в своём уголке, лёг. Лежу. Ой, страшно было.

Потом где-то через полчаса поезд тронулся. Я всё лежу, не шевелясь, и молчу. Люди разговаривают о чём-то. Они меня не видят — вагон-то большой, грузовой вагон был, просторный. А там всего пять-шесть человек едут. Среди них были две девушки молодые, постарше меня — где-то 18–20 лет им. А потом эти люди увидели меня. Что за человек? Видят, что не их.

Подошли ко мне и ногой меня так: «Эй, вставай!». Я испугался: «Что будет теперь?». Вскочил я, а они спичку зажгли и смотрят на меня. «О-о-о, — говорят, — Кто такой? Ты кто?». А я ничего не говорю. Они все белые, русские. А я один чёрный. И сказать не могу ничего, они не поймут. Потом я сообразил — бумагу свою вытащил и им показал. Один взял, прочитал. И говорят они что-то обо мне, не понятно, что, только повторяют: «Японец, японец». Видят они, что я в гимнастёрке, холодно. А у них несколько мешков были — видать, семейные ехали. Вытащили из мешка старое тонкое солдатское одеяло, и мне дали. Думаю, вот, спасибо! Завернулся в него и до утра как-то просидел.

Утром они меня все окружили и давай спрашивать. А я ничего не понимаю и сказать не могу. А девушка одна говорит: «Вот я Нина», — и на себя показывает. А потом меня спрашивает: «Ты кто?» Я языка не понимаю, но потом догадался: она, наверное, имя спрашивает. Я говорю: «Масао». Они смеются, говорит, наверное: это имя такое японское — Масао, мы такого не знаем, не слышали никогда. Вот, интересно!

Потом девушка хлеб достала, варёную картошку. Отломил кусок чёрного ржаного хлеба, потом дала мне хлеб и картошку. В дороге кушал. Вот так мы ехали.

Там трое были — одна семья, а эти две девушки — они отдельно ехали. Нина сказала: «Ташкент». Мне говорит: «Алма-Ата», — там же у меня в документе написано было «Алма-Ата». «Значит, ты едешь в Алма-Ату, — она говорит, — а я в Ташкент!». Это в Узбекистан она, значит, едет. Поезд до Алма-Аты, у неё там пересадка, и она дальше поедет. Ну, думаю: «Слава богу — вместе до Алма-Аты будем ехать!».

Сотни людей ехали в разных вагонах. В этом вагоне — только вот эти пять человек. Трое эти семейные, две девушки и я. Шестеро всего. Долго ехали. Считай, десять суток. Это же не так-то близко. Спасибо, что в дороге они меня подкармливали. У меня лепёшка была, тот кусок, что остался тогда. Я, наверное, его два дня кушал, а то и три, по кусочкам. И всё. Уже ничего не осталось, у меня же всё украли. Но спасибо этой девушке. Я тогда не знал никого, и никаких адресов у меня не было, ничего!

На станции Алма-Ата

Приехали в Алма-Ату. А мне нужно было на станцию Или. В бумаге моей было написано: станция Или, Колхоз имени Первого Мая. Такой рыбацкий колхоз был, у меня туда было назначение. А станция Или — это до Алма-Аты семьдесят километров. А я эти семьдесят километров проехал. Надо было мне слезть в Или, но откуда я знал? Вот и доехал до станции Первая Алма-Ата, где поезд останавливается. Я сижу в поезде, другие мне говорят что-то, наверное: «До свидания», обняли даже. В общем, прощаются и уходить собираются. А я думаю: «Что такое? Чего это они меня обнимают?». А оказывается, поезд дальше не идёт.

Они говорят: «Что сидишь? Вылезай, мы все выходим. Поезд

дальше не идёт». Ё-моё! Вылез из вагона, посмотрел на рельсы. Куда идти? — Не знаю. И сел прямо на путях, сижу и плачу. Не соображал же, что опасно. А дело тоже уже к вечеру. Там был такой неохраняемый железнодорожный переезд. И девушка одна ходит там, регулирует поезда — флажками показывает, чтобы поезд назад сдал, или что ещё. Вот эта регулировщица молодая, лет 20–22, может быть, с флажками своими, ко мне подошла. Мне что-то говорит, говорит и за руку меня взяла — поднимает с этой линии, говорит: «Опасно! Здесь не надо сидеть», — она, наверное, так сказала. И меня в сторону уводит. Ну, я тогда бумагу свою вытащил и ей дал. Она постояла, почитала мою бумажку тюремную. Головой так покачала, ойкала даже что-то. И сама тоже чуть не плачет: «Пойдём, пойдём», — говорит и тянет меня за руку.

Оказывается, у неё специальная небольшая будка есть, где она сидит. Там у неё телефон, регулировочное оборудование, флажки. Она меня посадила у будки, там деревянная скамейка была. Здесь садись, показывает, а сама зашла в будку и выносит оттуда кастрюлю. Тогда же ни газа, ничего такого не было. Они дрова жгли и на улице и прямо [на открытом огне] варили. Кастрюля была вся в копоти, от дыма вся прокопчённая. Я, японец, никогда такой чёрной, грязной посуды не видел. Вот вынесла она эту кастрюлю, а там, оказывается, картошка и варёная кукуруза. Тогда в Казахстане после войны главная еда была — это картошка и кукуруза. «Кушай!» — говорит. Потом смотрю — она куда-то звонит по телефону. Я сижу, кушаю, она рядом и что-то говорит мне, успокаивает.

Тут подъехала легковая американская машина — «Виллис» она называлась. Тогда, после войны, таких машин очень много было в Казахстане. Смотрю, один русский начальник, женщина и две девочки, лет по пять, наверное. И — что такое?! — Я аж испугался, ничего не могу понять. — Выходит из машины японец,

военный начальник с саблей! Саблю носит и шапка военная. Оказалось, что он был военнопленный. Они там работали. Эта девушка туда позвонила, где они работали. И они сразу приехали. Подходит он и говорит: *Коннитива* — здравствуйте! Я чуть не упал! Как здесь такое может быть? Но вижу, что настоящий офицер, японец. Молодой он был такой. Их, военнопленных, он сказал, здесь тридцать шесть человек. Они работают, строят дома в Алма-Ате. Говорит: «Мы работаем, и через три года нас отправят на родину, в Японию». Посмотрел мои документы, что в них написано. Он отлично по-русски говорил и читать мог — ну, он начальник, военный. Говорит мне: «Работай здесь, только честно работай. И тогда, наверное, тебя тоже отправят на родину. Мы все работаем. Так давай и ты, Масао-сан, работай. Конечно, тяжело, но надо работать. И вернешься потом в Японию». Так он мне сказал.

А мне же надо назад ехать — семьдесят километров возвращаться до Или. Я же проехал. А как? Он дал мне бумагу, карандаш. «Пиши, — говорит, — по-японски умеешь писать?». Я говорю: «Да, умею». Он говорит: «Сейчас поезд придёт, вечером эта девушка тебя посадит на него». Он мне всё по-японски объясняет. Я обрадовался, хорошо! Говорит: «Поедешь семьдесят километров назад, как поезд остановится, ты спроси. Пиши по-японски: «Где станция Или?» А когда тебе ответят «здесь», или «да» — вот тогда ты и слезай». Он мне диктовал, а я записывал по-японски. Мы недолго поговорили. Оказывается, женщина с ребятишками, это жена русского офицера, который приехал. Они принесли мне корзину, а там варёная кукуруза, виноград и разная еда, чтобы покушать в дороге. Мне хватит на два, на три дня, вот так. Этот военный японец мне пожелал, чтобы я не болел и хорошо работал. И они уехали.

Расставаться грустно было, прямо сердце упало. Но что делать? Надо ехать. Как он сказал, если буду честно работать, то

меня, возможно, отправят в Японию. Поэтому я решил: «Да, надо. А что делать?». Девушка-регулировщица указала мне, какой поезд. Дорога кольцевая была, поезд курсировал между станцией Или и Алма-Атой. Как здесь в Саппоро трамвай ходит, так же. Когда этот поезд подошёл, добрая девушка меня посадила в вагон и говорит: «Садись, поедешь. Не забывай, что тебе сказал твой начальник. До станции Или. Не забывай». Ну, конечно, я с ней прощался, как с родной сестрой, думаю, больше не увижу. Так я уехал.

На станции Или

Семьдесят километров на поезде — где-то час надо ехать. Он не так быстро, как трамвай ходит. До станции Или несколько станций. Как поезд остановится, я кричу по этой бумажке, что написал под диктовку: «Где станция Или?». А они отвечают, например: «Байсерке». Думаю, значит не Или ещё, и дальше еду. Так я ехал. А потом остановился поезд и стоит. Он ведь потом обратно пойдёт — в Алма-Ату, но я-то этого не знаю и снова кричу: «Где станция Или?». Один кричит мне в ответ: «Здесь-здесь. Или!». Я вскочил и бегом из вагона. Слез ночью, темно. Ну и куда теперь?

Снова беда мне — что делать, не знаю. Пошёл я к вокзалу. Или — небольшая станция. Это я после всё узнал, когда много времени там провёл. А тут — сошёл вечером, пусто, темно, при вокзале, правда, свет горел. Куда идти? А на улице, где место ожидание поезда, там деревянная скамеечка была. Сел на неё. Сижу, холодно. Тут один подошёл ко мне. Казах, как потом оказалось. Он такой же чёрный, как я. Думаю: «Кто он такой, а может — японец?». (Смеётся.) А он что-то говорит по-русски, а может, по-казахски — я же все равно ничего не понимаю. А потом — свет ведь от вокзала был немножко — я бумагу свою вытащил

и ему показываю. Он почитал, головой так покивал. Раз! — и фуфайку свою снимает. У него была такая рабочая, ну, немножко уже ношенная, грязная. Снял он её и мне отдаёт: «Надевай!». Я думаю, вот добрый человек! Я взял эту фуфайку, надел. А у меня же с собой была эта корзинка, которую дала жена русского офицера в дорогу. Показываю ему, он посмотрел: «А, кушать есть, да? Подожди», — говорит. Побежал и ещё два початка кукурузы принёс, только жареные, не варёные. Вот какой человек! Я потом узнал этого казаха, позже, когда уже жил там... Он мне что-то говорил-говорил тогда. Наверное: «Ты вот здесь будешь спать, на скамейке. А утром встанешь, иди вот куда-то...». Я ведь ничего не понял, что он говорил тогда. Спасибо ему — что эту фуфайку мне дал. Я завернулся в неё, лёг на скамейку и уснул. Я ведь несколько дней в дороге не спал толком, переживал всё.

Утром я проснулся, встал. Походил. А навстречу, вижу, милиционер идёт! «Ой! — думаю, — сейчас меня, наверное, заберут! Опять посадят и увезут куда-нибудь». Очень испугался. Такой здоровый был милиционер. Он подошёл, рукой машет вот так и говорит мне что-то. Я быстро бумагу свою вытащил из кармана. У меня гимнастёрка была с двумя карманами. Достал бумагу и показываю ему. Я потом узнал, что этот милиционер по фамилии Морозов дежурил по станции, он был из железнодорожной милиции. Но это я потом уже узнал. «Пошли!» — он меня потащил в отделение, в милицию. Документы мои посмотрел, а там написано: «Направляется в Казахстан, станция Или, рыболовный колхоз имени Первого Мая». Ну, он сразу в поселковое отделение милиции позвонил. Это ведь другая милиция — то железнодорожная, а то поселковая. А мне говорит: «Посиди здесь пока», — он мне показал жестом, где. Попить воды предложил. Я сижу, жду. Где-то через полчаса, смотрю, молодой милиционер пришёл. Русский. А тот показывает: «Вот с ним иди». С этим молодым милиционером мы и шли по дороге, тоже

километра два идти надо было от железнодорожного вокзала до поселковой милиции. По дороге он много чего-то мне говорил, но я ничего не понял. Мы смеялись только. Смеялись. Так и шли.

Знакомство с русским корейцем

Прихожу, сидит начальник. Большой человек такой был по фамилии Витиненко. Это я потом узнал. Капитан Витиненко был начальником поселковой милиции. Через несколько лет, когда я вырос, стал по-русски говорить и работал рыбаком и охотником, он ко мне приезжал на охоту. Вот, судьба! Мы друг друга тогда сразу узнали. Когда молодой милиционер привёл меня туда, начальник мне сказал: «Сиди, посиди». Я сижу. Он взял телефон и с кем-то долго разговаривал. Наверное, он в колхоз звонил. Я ведь не мог знать, куда он звонит и с кем говорит. Сидел я там, правда, не так долго, где-то час. Сижу я возле кабинета начальника милиции. К нему люди приходят, он разговаривает с ними. А я сижу один. Люди на меня смотрят, не поймут: казах — не казах. Потом смотрю: идет один хромой такой, у него нога больная была, вот он и прихрамывал. Заходит. И ко мне. Говорит: *Коннитива* — здравствуй, значит, по-японски. Ну и ну! Откуда, думаю, он по-японски знает? Но отвечаю тоже: *Коннитива*. Расспросил меня: кто я, откуда. Начальник милицейский что-то говорил ему по-русски. Оказалось, это зампреда рыбацкого колхоза — Сон Николай Иванович, кореец. Корейцы ведь [в России] русские имена носят. Он чисто говорил по-японски. Он в Хабаровске школу японскую закончил.

Их тоже, корейцев, в тридцать каком-то году переселили отсюда, где они жили, в Казахстан¹². Вроде как меня, но чуть-чуть раньше. А он тут зампреда колхоза рыболовного. Он давай

---

¹² Корейцы Дальнего Востока были депортированы в Казахстан и Узбекистан в 1937 г.

мне говорит: «Вот, Миура-сан...». Все мои данные, оказывается, уже знал. В этой бумаге моей — я ведь и не знал — всё обо мне написано было. Ну там, что за переход границ осуждён, срок мой — полтора года. Был в лагере в Мариинске. Освобождён, направлен в этот рыбколхоз в Или. Дальше он мне по-японски так сказал: «Ты будешь у меня жить пока. У меня жена, дочь и сын. Ты с ними будешь вместе расти, с моими детьми». Дочь на два года старше меня была, а пацан почти ровесником моим был. Николай Иванович и говорит: «У меня будешь жить, пока окрепнешь, а то ты сейчас худой очень. Окрепнешь — назначим тебя на работу, и ты в дальнейшем будешь жить самостоятельно». Я думаю: «Вот спасибо, так спасибо!». Слава богу, как это мне наконец так повезло?!

Пошли домой к нему. У него был собственный дом. Правда, тогда это был не дом, а землянка такая была. Жена — очень хорошая женщина была. Считаю — как мать мне была. Чужая, но всё равно. Когда Николай Иванович меня к себе домой привёл, он мне сказал: «Скидывай всё! Вот это тюремное — всё кидай в огонь. У меня сын есть, как ты, его одежду тебе дам». Вот какой человек был добрый! Я у него месяц-полтора где-то жил. Но, несчастье такое случилось. Он сильно водку пил. Я каждый день видел: он с работы приходит и пить начинает, много водки пьёт. Тогда все там пили. И каждый день дома с женой, с семьёй ругается, каждый день скандалы. А потом, в конце концов, однажды он много водки выпил и сгорел совсем. Умер от водки. Что тут поделаешь?! И похоронили его, Сона Николая Ивановича.

Работа в рыбколхозе

Потом председателем колхоза был Соловьёв Иван Михайлович. Он меня направил в отделение рыбколхоза, это от станции Или в четырёх километрах, там было подсобное

хозяйство. Они рыболовством занимались, а ещё огородом. Овощи выращивали, картошку... Меня туда направили, жить там. Отвели меня туда, четыре километра мы пешком пошли. Приходим, там такие саманные домики были. Из самана, из глины, сделанные. Кирпич же обжигать специально надо. А глина на солнце высыхает, вот из этого самана строят — это называется саманный дом. Там жили две сестры с детьми. У одной одна дочка, и у другой одна дочка. В войну они эвакуированы были. Мужей на войне убили, и они остались одни. А потом они приехали сюда, в Казахстан, в рыбколхоз. Откуда родом были, я точно не знаю, вроде бы, откуда-то со стороны Минска. И они там жили в этой землянке. И ещё брат с сестрой, фамилию я не знаю. Его Володя звали, а сестру его — Маша. И все в одной землянке. Землянка не очень большая была, мы все кое-как помещались. Спали на полу. На земляной пол соломы натаскаешь и спишь, мы все на соломе спали. Вот туда меня определили. И мы вместе стали жить.

Два первых дня я там ночевал на соломе. На этом подсобном хозяйстве бригадиром была тётя Шура Иванова. Она на второй день мне выдала бельё, матрац и одеяло. Всё старое, пользованное, но дали мне, чтобы я спал не нём. Председатель колхоза сразу назначил мне шестисотграммовый хлебный паёк в сутки. А поскольку колхоз был рыболовный, мне выдавали рыбу, всякую рыбу, солёную. Конечно, не даром, а за счёт трудодней. Так называлось — трудодни, деньги не выдавали, вместо денег трудодни выписывали. Деньги — только в конце года. Год поработаешь — записывают трудодни, сколько ты заработал, а деньги выдадут в конце года. Поэтому продукты мне все выдавали за счёт трудодней. А в конце года за них высчитывают, сколько я брал у них, и сколько я заработал.

Ни кастрюли, ни кружки — ничего у меня не было. Как мне готовить? Иван Михайлович Соловьёв, председатель, коммунист,

он ко мне очень внимательный был. Он через неделю всё, что нужно: старую кастрюлю, чайник, кое-какую посуду старую — всё прислал мне. Потом назначил меня на работу извозчиком на лошади. Лошадь, в бричку запряжённая, на ней груз возить. Председатель назначил меня и говорит: «Не понимает языка? — И не надо! Мы сами скажем, что нужно». А какая работа от меня требовалась? Хлеб возить для подсобного хозяйства из Или. В четырёх километрах от нас Или находилась. Там я получал хлеб, у нас шестьдесят человек жило на подсобном хозяйстве — вот я на них на всех в Или хлеб получаю, мне его грузят в эту бричку. Я еду и привожу его в подсобное хозяйство. А там его тётя Шура, бригадир, принимает. Вот эту работу мне председатель назначил. Спасибо Ивану Михайловичу. Я был маленький, худой после тюрьмы. Ну какая может быть с меня работа? Благодаря Ивану Михайловичу я на этой бричке стал ездить. Каждый день я хлеб возил.

В рыбколхозе был завскладом по фамилии — Савельев, а звать — не знаю как. Он мне хлеб выдавал. Сколько положено — пятьдесят-шестьдесят пайков. Я это грузу на бричку, привожу и сдаю. А эта тётя Шура Иванова — его жена. Только фамилии у них разные были — наверное, они не зарегистрированные были. Вот этот Савельев мне шестьсот грамм хлеба даёт. Я приезжаю, а тётя Шура мне тоже шестьсот грамм даёт. Жалела она меня, говорила: «Ну, как же так, такой маленький!». И в результате — я кило двести получал. Я делился с теми, с которыми вместе жил в одной землянке. Захаровы их фамилия была. Дочек их звали одну Лена, а другую Галя. Я делился с ними всегда, они очень рады были. Лена и Галя были со мной почти одних лет. Ну, может быть, одна на годик старше меня. Я всегда выделял им хлеба, когда что было у меня, и рыбу, если мне лишнюю даст тётя Шура. Вот так я работал.

В то время я быстро начал какие-то русские слова понимать.

Так быстро, хорошо. А в целом по-русски говорить научился в течение года, примерно так. Но всё равно вечерами после работы, бывало, выйду на улицу, чтобы никто не заметил, сижу и плачу. Мне идти некуда, поговорить не с кем. Думаю: «Как жить? Где сейчас мой отец, моя сестра? Что я буду дальше делать? Когда их увижу?»»

А турчанка как-то мимо идёт, видит какой-то пацан, мальчик, сидит и плачет, подходит и меня спрашивает: «Что плачешь? Что такое?». Я сказал ей, что я японец. Потом они у тётки Шуры спросили, кто такой. Тётя Шура всё рассказала про меня, что маленький японец, его судили за переход границы, он сидел в тюрьме в Сибири, потом направили к нам. Так вы знаете, они каждый вечер приходили, приглашали меня к себе домой, и что могли мне давали кушать. Делились своими продуктами. Они сами жили кое-как, понимаете? У самих ничего не было кушать, только за счёт огорода жили — кукуруза да картошка, помидоры. Понимаете? Вот такие были люди. Они были по национальности турки¹³.

В колхозе были турецкие семьи, всего, наверное, тридцать человек. Ну у турок вообще, как и у казахов, семьи большие — много детей, по четыре, по пять, по шесть детей имеют они. У этих было очень много. Так у них пацан был один, Бегу его звали. Он кукурузную лепёшку возьмёт из дома украдкой так, чтобы не ругались родители, и приносит мне всегда. (Смеётся.) «Масао, на, — говорит, — кушай!». Меня тогда «Миша» не звали ещё. Просто «Масао, Масао» всё время говорили. И вот так я, наверное, годик-два там работал возчиком, возил хлеб. Там мы все вместе жили.

---

¹³ Видимо, месхетинские турки, которые были депортированы из Грузии в республики Средней Азии и в Казахстан в 1944 г.

Малярия

Весной в апреле месяце председатель рыбколхоза меня вызвал в контору. Я тогда уже я по-русски говорил. Плохо, но говорил. И понимал. Понимал больше, а говорил, конечно, не так хорошо. Но уже понимал, что к чему, уже хорошо соображал. Председатель говорит: «Ты поедешь помощником рыбака». У реки Или, там течение быстрое. У нас была деревянная лодка с веслами, без мотора. У нее грузоподъёмность 500–600 килограмм. Сеть набираем, 50–60 метров длиной, и забрасываем в речку, на быстрину. И вместе с сеткой плывём на лодке по течению. Эта рыба, наверное, только в Казахстане была, больше нигде такой не было. Назывались маринка¹⁴. Тогда маринки много было, вода прямо кипела — никто её не ловил. Казахи раньше рыбу не ели. Меня назначали помощником к рыбаку. Фамилия рыбака была Рыккабаев. Дядя Андрей. Он, видимо, донской казак был, чёрный такой. Вот к нему меня назначили помощником. А помощники в каких условиях работали? Тридцать процентов мне оплачивали. Значит, один заработает тысячу рублей, а мне — триста. Такие условия мне назначил председатель. А рыбалка продолжается апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь. В сентябре кончается. Целых шесть месяцев я у него помощником работал. Когда дядя Андрей меня взял помощником, он спросил: «Как тебя звать? Как фамилия?» Я ему говорю: «Миура Масао». А он говорит: «Знаешь, такое имя Миура Масао я не знаю. Я тебя буду звать Миша, Михаил». Я согласился: «Хорошо». Получается, он мне дал имя, и я шестьдесят лет, пока не приехал [в Японию], так Михаилом и был там. Так и стали меня звать — Миша.

Как я приехал на рыбалку, там сырость, вода. К климату не привык и к пище не привык. Поскольку я в Японии-то ел *гохан*

---

¹⁴ Рыба из семейства карповых. Обитают в реках и озёрах в Центральной Азии.

(яп. варёный рис), а тут его не было. Ни *мисо* (яп. соевая паста), ни *сёю* (яп. соевый соус), ничего этого не было. И сырость эта. Поэтому, наверное, я заболел малярией. Страшная болезнь. Я помню — болел целый год, или два. Эта малярия такая болезнь: вот сначала замерзаю, холодно. Мне все сколько есть одеял накидают, и я всё равно замерзаю, прямо тряусь. А потом — очень высокая температура. Мы с утра работаем, я ничего, а где-то с двух часов сразу начинается у меня температура под сорок. В два часа дня меня всё время трясло. Вот так я мучился.

Там, где я рыбачил, рыбу ловил, эту маринку, дров не было, чтобы топить. В степи росло такое мелкое колючее растение, курай называется в Казахстане. Я его собираю и на плечах таскаю. Вязанку вот так здесь завяжешь и на плечо себе. Таскаю, чтобы приготовить кушать. Однажды я пошёл за кураем, и как раз два часа дня меня там застало. Начала трясти меня малярия, я упал там в степи и лежу. А хозяин ждёт: «Что такое, он пошёл за дровами и долго нет?». Дядя Андрей пришёл, смотрит — я лежу. Весь красный — уже трясти перестало, началась температура. Я лежу весь мокрый, горячий. Он сначала заругался на меня: «Что ты лежишь отдыхаешь? Что курай не несёшь?». Я говорю: «Дядя Андрей, — я по-русски уже немного говорил, и повторяю, — малярия, малярия». Он голову мне пощупал: «Да... — говорит, — вот и всё...». Так я болел малярией.

Тогда в Казахстане малярию некоторые лечили хиной, есть такое лекарство. Но мне не помогало. Это — кому помогает, кому нет. Потом одна старая женщина сказала: «Надо кушать вот эту маринку, посолить и есть. Каждый день кушать без хлеба». Я так и делал. Посолил эту рыбу. Очень вкусная рыба. Но икру нельзя кушать. Если икру кушаешь, ты умрешь. Это, наверное, какая-то родственная рыба *угуй* (яп. краснопёрка). Потому что у них икра бывает ядовитая. Икру съешь — всё, отравись, умирают люди. Вот эту рыбу я солил и солёную кушал. И через несколько

месяцев у меня малярия исчезла. Я всегда ждал двух часов, что меня начнёт трясти, это уже у меня вошло в привычку. Как два часа — точно, сейчас начнется! И незаметно у меня всё это кончилось. Я обрадовался. Вот, я боюсь, думаю, сейчас начнётся, сейчас начнётся, а смотрю — нету. Один раз, другой... А потом смотрю — совсем прекратилось. Вот так, незаметным образом, у меня малярия прошла совсем.

Землянка

У дяди Андрея Рыккабаева я отработал до сентября месяца и вернулся в хозяйство, где жили вместе с турками. За это время уже одна сестра с дочкой уже отдельную землянку себе построила. И они туда перешли. Остались только двое — брат с сестрой. Они тоже уже строили себе, как раз, когда я вернулся. Я думаю, мне тоже надо строить эту землянку.

Я кушал рыбу, стал здоровым парнем. Вечерами мы часто боролись с ребятами, я уже крепкий был. Ещё на Сахалине, когда я был в третьем классе, мы дзюдо занимались. Меня маленького учили. А здесь никто такого не знал тогда. Я боролся и их всех раскидал. (Смеётся.) Знаешь, как они меня любили! Там все турки были мои друзья.

Я думаю, надо мне тоже выкопать землянку. Я пошёл посмотреть, как это делается. Это просто. Прямоугольник выкопаешь, скажем, четыре метра на два или, допустим, на два с половиной. Такой прямоугольник в земле. Высота — ну, чтобы головой не достал, два метра, скажем. А шириной — четыре, чтобы с краю можно было печку поставить. Из кирпича делал печку, чтобы дровами топить. И трубу вот так надо вывести наверх. Сверху накладываем доски всякие, а потом камыш надо накидать поверх земли. Вот это называется землянка. И деревянными колышками забиваешь вот так — топчан делаешь

себе, как будто койку. Ещё солома, старый матрац тоже. Землянки строим на бугристом месте. Обязательно надо бугристое место, здесь копаем. Вход отсюда, вот [с бока]. Дверь делаем два метра высотой, из доски. Отобьёшь гвоздём, дверь надо делать, чтобы закрывалась. Вот так я себе и сделал. Ну, другие тоже так, но у других — семьи большие, им надо жильё, допустим, 12 на 8 метров. А я-то один. Ну, теперь я независим ни от кого, свою землянку имею. И вот так я строил землянку, когда вернулся с рыбалки.

Работа в колхозе

Зимой я уже не был помощником рыбака. Зимой разную работу поручали мне. Например, сортировка картошки — мелкую отдельно, крупную отдельно. Весной в подсобном хозяйстве, посеяли очень много арбузов. Арбузы до восемнадцати килограмм. Дыни какие там! Помидоры, картошка — огромный огород. Председатель колхоза Иван Михайлович сказал тёте Шуре Ивановой: «Этого японца, Михаила, назначить сторожем бахчи — охранять арбузы, дыни, картошку». А тогда голодные были все, люди много воровали. «Этот японец, — говорит, — он воровать не будет. У него семьи нет, никого нет, он не будет домой таскать. Вот его поставить сторожем». И меня назначили туда на бахчу. В общем, помогали мне, знаете, как могли. Чтобы я поднялся на ноги, чтобы крепким стал. За это спасибо председателю, Ивану Михайловичу! Я всё время считал его за своего второго отца.

Пошёл я охранять эту бахчу. Знаете, как интересно. Мне всякое приходилось [видеть]. Много воровать приходили. Ну и что?! У меня характер. Нескольких я ловил. Они с мешками приходили, капусту срезали, помидоры, дыни... Я никого никуда не волок, не заявлял на них. Я сам чувствовал, что это будет плохо

— им будет тяжело. Только я просил, чтобы больше не приходили, не воровали, потому что, если узнают, меня снимут с этого места. Я их просил: «Я на вас заявлять не буду, никому не скажу. Только больше не делайте так, чтобы не заметили, а то меня снимут с работы». Я говорил им, что я японец оттуда-то, они говорят: «Спасибо большое, Миша. Мы больше не прийдём». Вот так, всякое бывало... Всякие, всякие случаи были.

Снова весна пришла, опять меня помощником рыбака отправили. Тогда мне хозяином попал Цой Ин Нам — кореец. Меня к нему назначили помощником рыбака. О-о-о, это тоже человек золотой был! У него жена и дочка. Хотели даже меня женить на этой дочке. Серьёзно говорю. Ну почему-то я про такие дела ещё не думал, не соображал. Ну, мне тогда уже, наверное, шестнадцать было. А она старше меня была, года на три или вроде того. Они и говорят: «Сойдитесь и живите». А я боялся: «Нет, — говорю, отнекивался в общем.

Я у него работал рыбаком. У него была охотничья собака. Утку подстрелишь, допустим, она падает в воду, собака идёт и достаёт из воды утку. Потом фазан — вот этих очень много было! Его истребляли, стреляли, да по сорок, по пятьдесят штук. Ой, очень вкусное мясо, деликатес! Даже для больницы брали — лечебное, понимаешь, очень хорошее мясо. У него ружьё было, двуствольное, французское. Он мне его давал, я же любил ходить на охоту. Я научился стрелять отлично. Это он меня научил, как стрелять. Сначала я только сидячих бил. Если сидит на дереве, я хорошо прицелюсь и попаду. А потом — и на лету. Как вылетит, я его «пах»! Так научился (смеётся) — в день 25–30 штук убивал. Это заготавливали. В Или и Алма-Ате их закупали и увозили туда — в ресторан и в больницу, и куда ещё. Я у него где-то полтора года работал.

Потом я вернулся опять к себе. Ну, я уже настоящий парень стал. Купил костюм себе — на рыбалке заработал. И купил

маленький мотоцикл «К-125», первый свой мотоцикл. Я быстро освоил, научился и на нём ездил долго.

В октябре-ноябре я простудился. У меня была очень высокая температура, до сорока доходила, даже сознание терял. Сил не было никуда идти, я это знал. Да и куда пойдёшь? В то время в больницу надо было идти за четыре километра. И я не знал, как туда добраться. Я просто лежал. Был у нас Петров и его жена Дора. Тётя Дора узнала, что я заболел. Петров зашёл ко мне, смотрит — я лежу, даже разговаривать не могу, такая температура, без сознания был. Он жене сказал, а она принесла барсучий жир и жареное мясо и меня накормила. Короче говоря, меня лечили, грелку принесли. Это специальный такой резиновый мешочек, она туда налила холодной воды и мне на лоб прикладывала. В общем, они вылечили меня.

Где-то дней двадцать я болел, это воспаление лёгких было. Они всё ухаживали за мной, кормили, в конце концов я всё-таки выздоровел.

А до этого, ещё в летнее время было. Рядом с нашим колхозом протекала речка Талгарка¹⁵. Очень мелкая речка была, глубиной где-то полметра-метр. На эту речку сазан на нерест поднимался. Сазан крупный, по шесть-восемь килограммов. В мелких местах, где двадцать-тридцать сантиметров воды, они икру метали. Там в речке такая плотина была, люди ходили туда купаться. И я всё время ходил туда. Однажды я пошёл купаться, смотрю — рыба, здоровые сазаны. Надо их как-то поймать. Я придумал, из проволоки сделал острогу и стал ловить этого сазана. Две-три штуки поймал, в мешок положил и тащу. Они тяжёлые. По семь килограммов каждый. Принёс и бригадиру тёте Шуре отдал. Она очень любила сазана, делала из него хе¹⁶, всякие блюда, жарила.

---

¹⁵ Река Талгар в Талгарском районе Алма-Атинской области.

¹⁶ Корейский рыбный салат со специями.

Она за это мне конфеты давала. Тогда такие конфеты были, из сахара их делали. В общем, я к жизни приспособился. Некоторые не знали, как поймать такого сазана. Тётя Шура удивлялась: «Миша, ты где взял эту рыбу?». Я говорю: «Тётя Шура, я там в Талгарке вот этой проволокой поймал». «Ой, молодец!», — говорит. (Смеётся.)

В этом подсобном хозяйстве работали чеченцы, турки, и два финна. Русских мужиков практически не было. У турок были жёны, у чеченцев жёны. А из русских почти только одни женщины остались. Все мужики их на войне погибли. Несколько миллионов погибло. Поэтому в деревне одни женщины работали, мужиков практически не было. Вот так я работал.

Многих эвакуировали с Кавказа, когда немцы начали наступать на Кавказ. Власти боялись, что, если немцы придут, то они сдадутся и сами пойдут к немцам. Поэтому турок, чеченцев всех выселили в Казахстан. А японец я один там был. И тоже сюда попал, власти меня послали. Поэтому, наверное, они так помогали мне, хоть я и другой с ними нации. Они такой же судьбы, как я.

Зимняя рыбалка

Зимой в декабре — зимний лов. Зимой тоже рыбачат, подлёдный лов называется. Озеро большое, выдолбишь прорубь, а сеть запускаешь вниз под воду. И тянем неводом. И за один день мы по двадцать тонн вытаскивали сазана, это *кой* (яп. сазан). На неводе работали девять человек и один повар. Ехать нужно было до Балхаша, в так называемый Балхашский район. Со станции Или, от рыбколхоза, было триста километров до села Карой, где мы должны были рыбачить. Нужно ехать на быках триста километров, чтобы рыбачить зимой. Значит, пара быков запряжены в бричку, и один запасной бык сзади привязан. В

бричку сети, неводы, разные инструменты загружаем. Мы втроём этих быков должны были гнать до села Карой. Я, турок Сулейман и младший брат Сона Николая Ивановича — Сон Сидор.

В декабре, когда лёд станет сорок-шестьдесят сантиметров толщиной, мы его долбили, запускали неводы и вытягивали [с уловом]. Направились туда же, что и в первый год. Но у меня уже были кирзовые сапоги. Я купил ватные брюки, когда помощником работал в подсобном хозяйстве. Я купил фуфайку и, конечно, одеяло. Выехали мы из рыбколхоза. В день продвигались на этих быках на пятнадцать километров примерно. Быки, они знаете какие упрямые? Они идут-идут, устанут и сразу ложатся. На коленки падает и — хоть бей его — не встаёт! Вот, мы ходим вокруг этого быка (смеётся) — Сулейман, я, да Сидор. А Сидор был заика. Мы слезем, вокруг ходим, бичом бьём этого быка. А турки, оказывается, хорошо умеют [с ними обращаться]. Сулейман говорит: «Нет. Надо так!». Хвост берёт, вот так ломает его. Вот тогда бык встает! (Смеётся.)

От Или мы ехали три или два с половиной дня, наверное. По пути, ровно девяносто километров от станции Или, был саманный заброшенный домик. Этот домик во время войны, в 1943 году построили. Крыша была целая, стены только стоят, но ни дверей, ни окон не было. Для чего они его там построили? Вокруг на расстоянии ста километров нигде воды не было. А в этом месте ключевая вода бежала из-под камня, называется Малайсары по-казахски. Там они саманный домик и построили. Люди, которые мимо проезжали, там останавливались на ночлег, и мы тоже. Мы доехали до этого места вечером, а мороз двадцать градусов!

Мы зашли, курай на растопку собрали, внутри саманного домика прямо зажгли его, чтобы согреться. Хлеб весь замерз, стал как камень — и его надо подогреть, чтобы покушать. Когда костёр зажгли, птицы прилетели и летают туда-сюда. (Смеётся.) В мороз

воробьи, птички всю ночь залетали туда к нам, ночевали. А мы сняли куртки, и несколько штук сбили. Вот этих воробьев мы выпотрошили, на огне пожарили и съели. Мне тогда показалось, что очень вкусно. Потом, ну что, спать. Как мы спали? Снег был, правда, небольшой, сантиметров пять. Мы его сгребали, вычищаем площадь, немного соломы сгребли и туда ложимся спать. Старое одеяло постелешь — и прямо на земле почти под открытым небом, двадцать градусов мороз! Только представь!

Так ехали потихоньку. За сто километров — там казахские аулы, расстояния небольшие между ними — километров пятнадцать-двадцать, семьи жили казахские, все в землянках. Вот такие же землянки, как я выкопал, они там жили. До Кароя мы добирались десять дней. Эти десять дней мне показались как целый год. Холодно. Представьте, десять дней ехали и ни разу нигде не было возможности умыться, ни бани, ничего. Вот так мы ехали.

Ночевали на улице [под открытым небом]. Снег только уберешь немного, и прямо здесь ложишься спать. А ещё казахи незнакомых людей никого не пускали ночью. Особенно, если увидят русских. Если мы не понимаем казахский язык, значит мы не казахи. Они, с одной стороны, боялись, а с другой — не любили [чужих]. Поэтому дверь не открывали даже. Мы хотели просить воды или что-нибудь, но они никогда не впускали.

В общем, мы добрались до места рыбалки. Остальные — семь-восемь человек — приехали с продуктами на маленькой полуторке. В Японии тоже есть такие маленькие, четырехколёсные. Они считали, что мы должны доехать туда за десять дней. К этому сроку вся бригада приезжает сюда, в Карой, на этой машине. Интересно было. Но жить негде, саманные домики стояли заброшенные — ни крыши нет, ни окон, ни печки. Одну избушку мы подремонтировали. Мы зимой, представьте, камыш косили, смастерили мат из него и накрыли жильё сверху.

Двери мало-мальски сделали из этого камыша. И печку построили из самана. Ну, обжились там. И начали рыбачить.

Рано утром идёшь, двое на бричку грузят сеть, снасти — неводы там, разные инструменты, и мы гоним километра за три от этой избушки, туда, где озеро находится. На озере лёд был толщиной сорок сантиметров. Долбили с песней лёд, запускали неводы и вытягивали сеть. В первый день из одного небольшого озера мы вытащили двадцать пять тонн сазана! Сазаны крупные, хорошие.

Утром, когда шли рано, и вечером по дороге домой видели много диких кабанов. Они часто пересекали нам путь прямо по льду. А лёд скользкий, снега нет, они скользят и падают, как будто кабаны на коньках — интересно смотреть! Мы гонялись за ними, даже одного поймали. Маленьким ножом ему голову отрезали. Да у нас всё было, но охотиться некогда — надо рыбачить. Я стрелял хорошо. Иногда меня бригадир отправлял на охоту. Они сами, восемь человек, идут рыбачить, а меня отпускают: «Ты, Миша, сегодня иди мясо заготовливай». Вот я и ходил на охоту, фазана стрелял, кабанов стрелял. Всей бригадой мы все это мясо ели. Там же нет магазина, никто ничего не доставляет. Только хлеб у нас — сухарей насушили. Пятнадцать-двадцать мешков сухарей. А мясо и рыбу мы уж сами добывали.

Так декабрь и январь прошли. Дорога туда десять дней — чай, не близко! Где-то полтора месяца рыбачили там, весь январь точно, а после десятого февраля уже лёд начинает таять, и мы домой возвращались. Назад ехать — опять мне гнать быков. Потому что этот Сон Сидор назад не поехал. Я и два турка — мы троём гнали быков назад. Ой, страшно было! Морозно!

В феврале такой мороз ударил — тридцать пять градусов! Земля чуть не лопалась. Не доезжая до станции Или, где-то километров сорок оставалось, пошёл мокрый снег. На земле нет ни одного дерева, кустарника нет. Чистый песок, как пустыня!

Никакой травы, ничего! Зажечь огонь, чтобы согреться — так дров нет. У меня был чемодан деревянный, такой маленький чемоданчик. Этот чемодан мы разрубили, разожгли костёр, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Руки аж не гнулись от мороза. Мокрый снег, намокли же. Вот так мы ехали. Страшно это даже рассказывать. В Балхашском районе, в сторону станции Или если ехать, сейчас хоть кустарник немного растёт. Это в 1960-х годах там целинный хлеб сеяли, поэтому кустарник вырос. А в то время ничего не росло. Было это, может быть, году в 1955, я уже самостоятельно работал. Я купил большой мотоцикл, Иж-49 называется. У меня до него был маленький мотоцикл, так я его подарил товарищу.

Японские военнопленные

Было это ещё в 1954 или 1955 году¹⁷, где-то так. Я ещё работал рыбаком. Уезжали пленные японцы. Не на пассажирском поезде, а в товарном. Там сидело много пленных японцев. Висели японские флаги, и японцы весело махали руками, было написано по-русски «До свидания». Вагонов в товарняке много было, чтобы товары возить, а вагон, где именно японцы сидели, по моему, один был. Я молодой был тогда. У меня был маленький мотоцикл. Я приехал с другом на железнодорожный вокзал, там столовая была. Я туда всегда приезжал кушать. Как раз мы приезжаем, смотрю: «Что это? Японский флаг! И написано по-русски “До свидания”». И они машут руками, кричат. Я побежал туда. Я по-японски им кричал, а они удивлялись. Поезд тронулся — дук-дук-дук — ничего не слышно. Я только сказал: *Боку ва нихондзин дэсу* (яп. я японец). А там не слышно — дук-дук-дук, дук-дук-дук — поезд идёт.

---

¹⁷ Последние японские военнопленные были репатрированы в 1956 г.

Для чего это всё? Зачем мне возвращаться в Японию? Когда я уже женился, получил паспорт, а мне нужно было с семьёй жить. Я даже был согласен написать, что я русский. Потому что мне в жизни надо было спасти себя, чтобы я был на равных с русскими, чтобы меня не презирали за то, что я японец. Я хотел так. Но они сказали: «Ты гражданство прими русское и живи здесь с семьёй. Тебя никуда не гоним. А национальность можешь оставить “японец”». Поэтому я получил [советский] паспорт в 1984 году, но национальность «японец» в нём так и осталась. А в фамилии по ошибке поставили букву «ю» — Миюра, вместо Миура. Вот в Токио сколько раз спрашивали: «Почему у тебя стоит Миюра?» (Смеётся.) Я говорю: «Я откуда знаю? 13 лет мне тогда было, ни одну букву русскую не знал. Написали: Миюра — я и согласен был. Так получилось». Я согласен был, потому что выжить — было тогда самым главным.

Лов маринки

Я стал самостоятельным с 1955 года. Мы рыбачили вниз по протоке Или, она называется Жидели. «Второй Кадырбай» — это название рыбпункта, где принимали рыбу. Мы с другом рыбачили в пункте «Второй Кадырбай». Мой товарищ Абаив Несергов, чеченец, мой одноклассник. У него-то братья и сёстры были. Он тоже был сосланный во время войны. Их много было: турок, чеченцев. Мы с ним вдвоём рыбачили, от станции Или до рыбколхоза расстояние где-то двести восемьдесят километров. Мы на деревянной лодке спускались до назначенного места. Тогда очень много было этой рыбы — маринки. Маринка, я думаю, что только в Казахстане [водится].

В Балхаше, и ещё место было — озеро Алаколь в Талдыкурганской области — там тоже была маринка. Только в этих местах водилась маринка, в других местах Казахстана ее не

было. И так, мы ловили эту рыбу. Тогда ее много было. Раньше никто её не ел, поэтому и не ловили. Мы вдвоём рыбачили на деревянной лодке. Нагружаешь где-то четыреста килограмм. Потом на вёслах поднимались по течению где-то километра три и рыбу сдавали. На пункте эту рыбу обрабатывали, солили. Раз в месяц за рыбой приезжал катер из рыбколхоза Или.

Сеть длиной семьдесят метров. Собираем эту сеть в лодку и отъезжаем от берега где-то на шестьдесят метров. Один конец сети привязан был к бачку, мы кидаем его по течению, а течение его тащит. Потом мы на лодке гребём в сторону берега. Таким путём распускали сеть, а в нее ловили рыбу. Затрата времени где-то, может быть — полчаса, мы ловили триста-четыре-ста штук за раз.

На рыбалку мы брали с собой продукты. В апреле, мае, июне — в эти месяцы рыбалки никто продукты нам не доставлял. Там бездорожье было — триста километров, только катер и баржа приходили один раз в месяц. Поэтому мы продукты брали с собой — муку, сахар, а остальное — всё сами. Рыбу сами ловим. Диких кабанов очень много было. Добывали мясо диких кабанов, утки, фазана. Вот этим мясом мы питались. Тогда было всё разрешено.

На озере Балхаш и в реке Или — разная рыба. Когда я рыбачил с 1955 до 1959 года было: вначале — маринка, потом — сазан, карп, пескарь, потом — окунь, осман и чебак. Были эти все виды рыб. А потом, в 1960 году, запустили в реку Или, на озеро Балхаш следующие [виды] рыбы: сом, белорыбицу, судак, это хищная рыба, усач, толстолобик, лещ и жерех. Осетра запустили в 1938–1939 годах. Но до сих пор запрещено его ловить. Вылавливают только браконьеры. Маринка — очень спокойная рыба, поэтому её первой и съели в 60-е, как только запустили этих хищных рыб. Почему-то они сазана не смогли съесть. Но их численность уменьшилась. В 1985 году не стало ни одной рыбы маринки — всех съели! Уже трудно было поймать или увидеть одну хотя бы

маринку. Вообще ее не стало! Говорят, что один рыбинспектор привозил по железной дороге цистерны живой рыбы, мелкой, чтобы запустить в другой водоём. Вот эту рыбу назначили, чтобы в реку Или и в Балхаше запустить, но он перепутал цистерны и запустил [не туда].

На курсах трактористов

Зимний лов рыбы несколько лет продолжался — до 1959 года, когда я работал в подсобном хозяйстве. Конечно, климат менялся — то мороз есть, то мороза нет. От этого хозяйства, где я в землянке жил, в двадцати пяти километрах был совхоз «Рассвет». Там специально обучали трактористов на трёхмесячных курсах. У меня были друзья турки, Кадым и Али, мы выросли вместе, уже взрослыми стали.

Однажды Кадым говорит: «Миша, слушай, давай бросим эту рыбалку. Что, мы дураки что ли? Русские все работают на машинах, на тракторах. А почему бы нам не пойти учиться? Давай поедem. Устроимся на работу. Будем работать на тракторе». А я сижу, думаю: «О-о, это интересно, трактор!». Походил туда-сюда. Я говорю: «Ну как мы пойдём? Ты-то можешь, а я — японец. Меня, наверное, не возьмут на тракториста учиться. У меня русского образования нет, ни одного класса. И по-русски плохо говорю». А он говорит: «Ты что, Миша, пойдём! Я же турок, тоже не русский, тоже по-русски плохо говорю. Но меня берут, значит и тебя возьмут. У тебя мотоцикл, давай вдвоём поедem завтра». А у него мотоцикла не было. И мы сели вместе на мой мотоцикл и поехали с ним вдвоём.

Приезжаем в совхоз «Рассвет». Оказывается, там в гараже, в котором стоят трактора, главный инженер — Навецкий Николай. Потом я узнал, что он по национальности поляк. Мы подошли, говорим ему, что в колхозе мы работали рыбаками, но хотим

учиться у вас, если вы набираете курс трактористов. Он говорит: «Только, ребята, у нас такие условия. Днём будете ремонтировать сельские машины, трактора старые. А вечером будем учить вас в вечерней школе тракториста». Я сказал: «Хорошо». Навецкий спросил: «Образование?» Я говорю: «Образование у меня три класса японской школы». Он говорит: «Ты что, японец?». (Смеётся.) Он думал, что я казах, наверное. «Как попал оттуда?». Ну, я уже тут знал, что говорить. Я ему всё рассказал. Что-то он понял, что-то не понял. Так он нас принял. Я учился три месяца. Днём работал — трактор ремонтировал, сельхозмашины ремонтировал. А вечером учился по тракторам.

В вечерней школе было много людей. В нашей группе было семнадцать человек. Мы в неделю три раза занимались. А в другие дни другие люди приходили на занятия. Мы с Кадымом учились три месяца. Экзамены я на отлично сдал, несмотря на то что у меня не было русского образования ни одного класса. Меня на работе очень ценили, потому что я добросовестно всегда работал. Нам выдали аттестат. Аттестат — это удостоверение тракториста. Как диплом, понимаете? Мы имели право работать на тягачах, на тракторах всяких марок. Это было в 1959 году.

На целину

В эти годы в СССР — тогда председателем Совета министров был Хрущёв — поднимали целину в Казахстане. Новые земли обрабатывали, чтобы сеять хлеб. Кто только на целине не работал! Приезжали студенты, молодые рабочие из разных стран: из Болгарии, Чехословакии, Польши. Тогда многие имели диплом тракториста, не только наша группа. Нас отправили на целину. Из нашего совхоза «Рассвет» людей отправляли в отдалённый северный район Коскудук. Это по-казахски Старый колодец. Коскудук — это станция в Семипалатинской области. В тех

районах тысячи квадратных километров распахивали тракторами и сеяли хлеб. По всему Казахстану поднимали целину. Тогда Брежнев работал в Казахстане вторым секретарём [ЦК КПСС]. Он долго [потом], двадцать пять лет, руководил страной.

Когда выбирали, кого направить в командировку на целину, я — к счастью — попал туда! Называют, скажем: Иванов, потом — Миура Масао... Да, допустим? Но нет, Масао не говорили — Миура Михаил! Вот так. И Кадыма Даврушева фамилия была в списке.

Из совхоза «Рассвет» нас направили в командировку без тракторов. На целине — там прямо на платформе железной дороги мы получали новые трактора. Я получил ДТ-54, трактор сталинградского выпуска. Меня назначили сменщиком Платонова Ивана. Если я ночью пахал на тракторе, Иван будет днём пахать. Если он днём на моем тракторе работал, я буду всю ночь. А ночью спать хочется. Но трактор работает, пахать землю надо. Знаешь, — кто поверит? — Три-четыре километра в один конец трактором пахали. Понимаешь, какой простор? В день мы два круга делали, больше не могли. А иногда даже три за смену.

Борона что такое, знаешь? Сзади трактор тянет плуг, ещё прицеплена борона, которая землю разрыхляет, заравнивает. Обязательно давали помощника. Я трактор веду. На повороте останавливаюсь, потому что мусор забивается, и помощник должен идти чистить эту борону. Многие студенты были командированы из Латвии, из всех республик. Они приезжали поднимать целину. Мне назначили одну молодую девушку, которая приехала из Беларуси. Она у меня работала прицепщицей, должна была в прицепе сидеть, регулировать это, чтоб мусор убирать.

Там столько было черепаш в степи! Невозможно было ехать, гусеницами давим. Вот они в борозду упадут, вылезти не могут. Царапаются. Мы идём, их давим. Сотни черепаш! Выйдешь,

смотришь – гусеница красная! Вот столько было черепах. Даже на сердце у меня как-то нехорошо было. Да, я так пахал...

Черепашки в земле живут. Зимой они зарываются где-то сантиметров на двадцать-тридцать, в мороз в земле живут. Совхоз заготавливал этих черепах, их отправляли в город в ресторан. Ловили живых прямо. Черепашки живучие, их месяц можно не кормить. На машине вывозили за триста-четырееста километров в город. И сдавали в ресторан. Их в любом ресторане принимали. Они это мясо очень ценили, потому что оно вкусное и полезное. А ещё, значит, их заготавливали на корм в этот — живопромхоз, там выращивали лису-чернобурку. Вот их кормили этой черепахой.

В целом, я был на поднятии целины недолго, где-то дней двадцать пять длилась эта пахота. Пахали, сеяли пшеницу. В общем, когда я был там, как раз совпало с Первым мая. Первое мая — это же большой праздник в России. Приезжала прямо в поле Роза Багланова, известная певица в Казахской ССР. Концерт ставили вечером, чтобы мы смотрели, отдыхали. Первого мая меня за хорошую работу, за выполнение плана, наградили премией в сто рублей. Тогда сто рублей были большие деньги. За сто рублей я мог хороший костюм купить. И получил благодарность с занесением в личное дело. Так по-русски это говорили — личное дело, трудовая книжка и так далее...

Глава IV. 1960–1980-е годы в Казахстане

В совхозе «Рассвет»

И потом мы снова вернулись в совхоз Рассвет. Там я получил новый трактор и потом, с 1961 до 1962 года, я работал там на этом тракторе. Государство [СССР] бесплатно обеспечивало совхоз техникой.

Иван Платонов, который был моим сменщиком, мне говорит: «Миша, пойдём учиться на шофёра машины. А что? Трактор всё время гудит, столько пыли! А шофёр красиво в кабине сидит, в чистоте! Давай пойдём на шофёра учиться». Я говорю: «Иван, меня не возьмут. Шофёру надо семь классов образования. Не пойду!». Семь классов образования надо, потом деньги платить. А оказалось, что кто в совхозе работает, тех обучали бесплатно. Я уже в совхозе работал, поэтому мне бесплатно, оказывается, можно было учиться. Прихожу я к Навецкому, а главный инженер был казах Каим Кадырбаев. Они говорят: «Так, нужно образование? Ты тракторист. Ты отлично работаешь. В матчасти всё хорошо понимаешь. В вечернюю школу тебя назначим учиться на шофёра». А учиться на шофёра — всего три месяца надо было. Говорят: «Нет проблем!».

От совхоза «Рассвет» до Николаевки было восемь километров. Я на мотоцикле ездил после работы. Там была вечерняя школа, трёхмесячные шофёрские курсы. Я вечернюю школу закончил. У

меня до сих пор есть удостоверение об окончании. Матчасть, правила дорожного движения — все я сдал на отлично. Я получил водительскую квалификацию шофёра-профессионала. Вот интересно — когда человеку хорошо, хочется ещё лучше быть. Раз мы получили права, то теперь надо на машине работать! Зачем трактор?

Говорим этому инженеру Каиму Кадырбаеву [о том, что хотим машину водить]. Он отвечает: «Знаешь что, Михаил (меня Миурой уже никто не называл), чтобы шофёром работать, тебе надо года три поработать слесарем». Слесарь это кто? Он ремонтирует машины. Сразу после курсов на машину не сажают. Я и говорю Ивану Платонову: «Слушай, что мы дураки, что ли? Получили права, а три года должны здесь слесарями работать? Машину не можем водить!». Потом мы узнавали через друзей и знакомых. Оказывается, в том районе, куда мы на рыбалку ездили, есть совхоз Карагач. Сто километров от станции Или. Там требуются шофёры. Машины пригнали, а шофёров нет. Там новый совхоз открывается, поэтому технику им давали в первую очередь, и бесплатно. Дома строили. Но нет шофёров. Я говорю: «Иван, давай поедem туда». А туда автобус тогда не ходил, можно только на попутной машине. В кузов заберешься наверх и едешь, так мы и поехали.

Работа шофёром

Приехали в совхоз Карагач. Там директором совхоза был Ибрагимов. Мы пришли с Платоновым, зашли в кабинет к директору Ибрагимову. Там оказался главный инженер Панасенко, хохол. А заведующий гаражом, по машинам который, — Большунов Николай был. «Откуда?» — они спрашивают. «Мы с совхоза Рассвет», — отвечаем. Всё подробно рассказали. Нам говорят: «О-о-о, здесь такие шофера нужны. Вы, оказывается,

городские, там рядом город. Наши шофера в Алма-Ату ехать боятся». «Почему?» — спрашиваю. «Потому что там светофор. Они не понимают светофор, никогда не видели. Поэтому нам нужны такие ребята, как вы», — говорит этот директор. Мы засмеялись с Платоновым. И нас приняли. Теперь надо было [получить] машину. Нам дали бензовоз — мы горючее, бензин, возили со станции Или в совхоз Карагач.

Меня называли Михаил, а фамилию, когда меня записывали в тюрьме, написали не Миура, а Ми-ю-ра. Здесь уже [в Японии] разбирательство шло — почему так оказалось? А того не понимали, что они сказали: «Миура», а записали «Миюра». Поэтому меня звали [в Казахстане] Миюра Михаил.

«Вот, Миюра Михаил, тебе цистерна до 1315 литров». Завгар мне выдал бензовоз. Платонов был здоровый русский мужик. Ему большую машину дали — до 3 тонн 700, что ли, литров доходила. Нам приходилось 120 километров ездить без дороги с горючим, тогда асфальта не было. Там пески, вот это — *суна* (яп. песок). Как ветер подует, как занесет! Всё равно что снегом, одинаково — когда песок, ещё хуже. Машина буксует, не идёт! Мы с собой под рамой возили доски, чтобы, когда буксует, стелить под колёса эти доски, чтобы машину сдвинуть. Там же барханы.... Мы всё-таки работали.

120 километров, если все хорошо — восемь часов надо ехать максимум, без отдыха. Там же степные дороги, барханы, подьёмы, асфальта нет! А то ломается машина, буксуем... Всякое бывало. А как мы устроились на работу, через недельку где-то дали нам квартиру, чтобы мы жили там. Ну мы что? Поедем за горючим, бензин набираем, приезжаем, сливаем, опять едем назад. Спать захотим — в машине ночуем. Поэтому квартиру дали для выходных дней, чтобы там жить. Или я на рыбалку пойду, на охоту пойду. Они каждый день нас заставляют за бензином ехать. На планёрке говорят: «Сегодня среда, Миюра, ты поедешь. А

Платонов — в пятницу». Вот так. А в перерывах между рейсами нужно же где-то жить? Вот поэтому они квартиру дали. Суббота, воскресенье — два дня выходные. В выходной день никто не работает — ни в конторе, нигде не работают. Отдыхают.

Охота на кабанов

Во время отдыха я ходил вечерами на кабанов. Я купил одноствольное ружьё. Сейчас в Казахстане разрешение надо в полиции получить, чтобы ружьё купить. А тогда не нужно было никакого разрешения! В магазине продают, пошёл и купил ружьё. Деньги-то заработал, деньги есть у меня. Одноствольное ружьё стоило очень дёшево. Нашли друзей, вместе пошли на кабанов. О-ой, интересно! А там речка, протока называется, *кава* (яп. река) маленькая. Там воды чуть-чуть, где-то сантиметров двадцать. Когда большая вода прибывает, она разливается, и туда приходит рыба.

Когда резко вода сходит, рыба остаётся в том водоёме и туда дикие кабаны приходят, эту рыбу подбирают. Причем кабаны днём-то не ходят, только ночью. Вот мы идём ночью, сидим в засаде. Сидим. А кабан, знаете, в тихую погоду, когда ветра нет, за двенадцать метров запах чует. Человек за сколько метров может запах услышать? Скажем, на близком расстоянии [только]. А кабан за двенадцать метров чует. Сидишь, прячешься. Вот идёт он, слышишь, камыш ломается. Шорох. (Смеётся.) Сидишь, не дышишь, чтобы он не услышал. Смотрю — он выходит, и тут бьёшь «Бах!». Другой раз промажешь, другой раз ранишь. Ой, всякое бывало!

Один раз мы пошли с Иваном Стригуновым. К сожалению, он умер. Он старше меня намного был, но он меня считал своим другом. Он бывший фронтовик, он в 1942 году воевал с немцами, был ранен. Он со мной познакомился, мы ходили с ним вместе на

кабанов. И вот один раз, помню, пошли в засаду, где они, кабаны, кормятся. Это растение называется чакан. Эти кабаны чакан копают, едят его корень. Вот, Иван Стригунов сидел от меня в пятидесяти метрах, я ближе к тому месту, где этот кабан идёт на водопой. А Иван сел там, где они копают, кормятся. Сидим, темно ночью, ждём.

Слышу — шорох. Идут! (Смеётся.) Идёт один большой кабан! Килограммов, наверное, на сто тридцать. Кабан идёт. Иван вот так сидел. Вот здесь вокруг у него заросли. Здесь вычистил, кабан должен был идти здесь, он так сидел. А потом слышит шорох сзади, но шевелиться ему нельзя — кабан услышит, сразу убежит! Он вот так сидит, кабан близко прошёл, в двух метрах. Кабан учуял человека. Там вода была. Смотрю: чук-чук-чук, бежит — близко от меня, метров восемнадцать! Вот такой большой! Я хорошо прицелился — «Бах!». Ничего не вижу, темно. «Уаф!» — такой звук. Кабан в заросли забежал. Слышу — резко храпит, попал, значит, — он поддыхает.

Я кричу: «Иван?». Он: «Что, Миша, убил?». Я говорю: «Не знаю, иди сюда!». А ночь же, камыш метров двенадцать [от того места], где я стрелял, там открытое место, а он в камыши зашёл, в густое место [чашу], и упал. Но мы не знаем: сдох или не сдох. Посмотрим! Вот так фонарик зажёт. Камыш полон крови! Значит, я попал! Иван говорит: «Миша, я слышал, он храпел. В каком месте?». А знаешь же, к раненому кабану подойти страшно. Он может кинуться. Ну, я держу ружьё наготове. Иван идёт сзади, светит фонариком. Смотрю, лежит огромный кабан (смеётся), а головы не видать. Когда кабан сдыхает, он как попало не падает. Никогда! Как ни стреляй, он, когда падает, только вот так — все ноги вперёд, задние ноги складывает, вот так он умирает. Как бы ни стрелял, всегда умирает в таком положении! Я думаю, а вдруг он живой, ружьём потыкал, и «бах!» — выстрелил ещё раз. Оказалось, он уже мёртвый. (Смеётся.) Большой кабан! Вот такой

толщины было сало кабана, семь-восемь сантиметров.

Мы вдвоём с Иваном здоровые были. Перетасили его оттуда на чистое место. Кабан дикий, сразу надо кишки выпускать. Если кишки не выпустить, мясо в течение получаса может испортиться и будет негодным в пищу. Потом думаем, эх — надо было немного соли взять, у нас с собой не было соли. А недалеко жил Иван Иванович, он бакенщиком был.

Иван Стригунов говорит: «Давай, к Иванычу съездим. Соль возьмём». Все внутренности, печень, лёгкие — всё надо подсолить. Мы приезжаем ночью, уже часов в десять вечера, наверное. «Иван Иванович, дайте нам соли». Он говорит: «Что такое? Зачем вам соль ночью?». Мы говорим: «Кабана убили». Он говорит: «Какого кабана убили?».

Оказывается, этот кабан — Ивана Ивановича кабан, которого он кормил. Но не просто кормил, а чтобы потом убить. Обычно так делают. А мы с Иваном убили. (Смеётся.) Иван говорит: «Мы не виноваты, он же дикий». Он говорит: «Я не говорю, что вы виноваты. Но я два месяца кормил». Мы говорим: «Одну ляжку вам дадим». (Смеётся.) Правда, вот такой жирный был кабан!

Мы отдали одну ляжку Ивану Ивановичу. Представляешь, ляжку вот так отрезали, а остальное завернули мешковиной, на бензовоз положили наверху. Тогда ни инспектора, никого не было. Привязали и едем в Или. Домой везём. У реки Или большой мост был. Сейчас электростанция ГЭС стоит. Тогда мост был, а электростанции не было. Переезжаем, там участковая милиция, инспектор ГАИ увидел: «О-о-о, какого кабана вы убили!» — заинтересовался, он уйгур. «Как вы убили?». Вот так было... А сейчас попробуй, инспекция сразу арестует.

Думаем, куда нам столько мяса? Себе взяли куски, а Иван говорит: «Пошли продавать на базаре». Я говорю: «Иван, я не буду продавать. Я стесняюсь. Ты сам продавай». На базаре есть специальные места для торговли. Деньги заплатишь — можешь

мясом торговать, или рыбой, хоть чем. Иван торгует, а я стою рядом и только деньги собираю. Покупатели приходят, он отрезает, взвешивает. Одна говорит: «Мне килограмм», другой говорит: «Два килограмма». А деньги я беру. Иван говорит [объясняет им про меня]: «Вот это казах. Он же мусульманин, мясо не кушает. Видишь, он только деньги берёт!» (смеётся). Ой, интересный Иван был. Он продавал и шутил про меня: «Он боится свинью, — говорит. — Видишь, деньги берёт, а меня заставил продавать». (Смеётся.)

Вот так мы работали. Это был 1964 год. Такими темпами возили бензин. Набирали в нефтебазе станции Или и возили и в Карагач, и в Баканас... Везде возили горючее.

В Алма-Ату

В 1964 году Иван уволился и уехал из Карагача к себе в совхоз «Рассвет», устроился водовозом, воду возил. А я вернулся, думаю, я уже настоящий русский человек, разговариваю [свободно], и по-казахски начал говорить. Думаю, поеду в Алма-Ату работать шофёром. Это интереснее будет, чем возить этот бензин туда-сюда. Я так решил и уволился из совхоза «Рассвет». Поехал я в город Алма-Ату. В Дорожно-строительном управлении ДСР-1 требовался шофёр.

Я пришёл туда. Начальника не помню, но мне везёт — везде попадали хорошие люди! Меня принял шофёром, потому что у меня три года стажа было на машине, мне разрешено людей возить. Сначала приняли на маленькую машину, две с половиной тонны грузоподъёмности. Это как автобус — людей возить.

Я людей возил на работу, на объекты, на дорожно-строительный участок, в контору этого ДСР-1. Я года два работал у него. Начальник мой был Владимир Петрович Боуа. Сам он боксёр, в молодости боксом занимался. Он такой крепкий

мужчина был. С женой вдвоём жили. Жену я забыл уже как звать, она хорошая женщина была. Но детей у них не было. Я у него спросил: «Почему у вас фамилия интересная?» Он говорит: «Предки, говорят, французы».

Потом уже он меня взял к себе личным шофёром. А у него была Волга ГАЗ-24. Это легковая машина. Он мне дал эту машину его возить на работу, с работы. Он же начальник ДСР-1. А у него друг был Владимир Петрович Гончаров — замминистра дорожно-строительной отрасли. И я, конечно, и Владимира Петровича возил на работу, с работы. На выходные он мне машину давал. Он знал, что я водку не пью, ничего не сделаю [плохого]. Хоть куда езжай.

Знакомство с будущей женой. Семья

Тогда я и познакомился с Ниной. У неё родители жили в селе Бакбакты Балхашского района¹⁸. А она приехала в Алма-Ату учиться. Ей было тогда 17 лет. Там, в Алма-Ате были друзья её отца, и она у них жила. В Алма-Ате был большой маргаринный завод, она там рядом жила. А ДСР 1, где я работал шофёром, было недалеко от этого завода.

У меня было много [свободного] времени. Я утром увозил начальника на работу, и он мне говорит: «Миша, в три часа приедешь за мной». Я в это свободное время подрабатывал, людей возил. А она в школу на трамвае ездила. До школы из дома где-то километра два-три было. Я всегда останавливался возле остановки трамвая, автобуса, чтобы попросили отвезти куда-нибудь. Я подвозил и получал деньги.

---

¹⁸ На самом деле знакомство было более давнее. Нине было пять лет, когда она впервые увидела Масао в с. Бакбакты. В доме ее родителей постоянно останавливались на отдых рыбаки из рыбколхоза по дороге на рыбалку и с рыбалки, в их числе был и Масао.

И вот однажды я остановился возле остановки, и смотрю — ученица, портфель у неё. Я её спрашиваю: «Девушка, куда тебе?». Она говорит: «На маргаринный завод, но у меня денег нет». Такая шустрая была. (Смеётся.) Я говорю: «Денег не надо. ещё кто есть?». Она говорит: «Не знаю». Я говорю: «Давай я подвезу. Я еду туда». Я спросил, где её родители живут. Она отвечает — в Балхашском районе. Я говорю: «Ничего себе! Я Балхашский район знаю». Она говорит: «Я живу у знакомых отца». Вот так мы познакомились.

Мне было 31 год, но я выглядел очень молодо. Хотя я старше её на 14 лет, выглядел я как ее ровесник. Каждый раз я говорил ей: «Давай дружить», и она [в конце концов] согласилась. А родители её говорят: «Что это такое? Откуда этот японец? Они же наши враги — мы с ними воевали». А она говорит родителям: «Этот японец не воевал. Этот другой совсем!» (Смеётся.) Так смеялись! Мать не против была. Отец молчал. А бабушка против: «Да ну! Зачем тебе японец? Что, русского нет?».

Я был шустрый такой, поэтому сразу предложил ей выйти замуж. Она говорит: «Ну, родители...». А родители: «Ни в коем случае!». А мать, когда услышала, что я без родителей, без никого, говорит: «Не надо ничего!». И мы стали жить вдвоём. Когда они узнали, что Нина беременна, бабушка всё равно шум поднимала: «Зачем это? Надо забрать её домой». А мать говорит: «Как забрать? У неё уже живот». Ну вот так, мы никого не слушали, вместе стали жить.

Зарегистрировать [брак] я сразу не мог, потому что у меня не было паспорта — ни русского, ни японского. В 13 лет забрали [арестовали меня], и всё. Только в 1984 году я получил советский паспорт. С учета в комендатуре меня сняли, получил гражданство Советского Союза. Уже двое детей было. Когда я приехал сюда, в Японию, меня спрашивали: «Почему вы, Миура-сан, поженились в 1964 году, но регистрировали брак только в 1984?». Я им

объяснял, что у меня не было никакого паспорта, поэтому не мог. Когда я получил паспорт, мы сразу пошли регистрироваться. У меня вот только такая шпаргалка [бумага] была о том, что я в тюрьме сидел столько-то времени и потом из тюрьмы освободился.

Первые годы семейной жизни

Мы с Ниной поженились [неофициально] 12 мая 1965 года. Товарищ Боуа переселил нас в посёлок суконного комбината, Каргалы называется. Он раньше был начальник ДСР-1, где я работал, а оттуда перешёл начальником в суконный комбинат и забрал меня тоже туда. Тогда мы с Ниной уже вместе жили.

Приехали на суконный комбинат, он в первую очередь нам квартиру дал. Мы с 1965 до 1969 года там жили. Когда я устраивался на работу, меня спросили: «Семья есть?». У меня ещё [официально] не было семьи, но я говорил, что семья есть. А мне говорят: «Михаил, тогда тебе квартиру надо. Ладно, дадим, хотя бы двухкомнатную». Тогда у нас трудно было насчёт квартир. Люди по пять лет работали, тогда только получали. А я как устроился, через полгода сразу мне дали. В сентябре, когда картошку копали, начальник мне дал квартиру.

Дома ничего не было. Пустой дом. Вот стол, вот чашка и ложка — всё! Ни телевизора, ни радиоприёмника, ничего нет. Самое необходимое — кровать, диван, посуду — это я купил. Однажды начальник говорит: «Я вечером приду к тебе в гости». Ёлки-палки! Начальник придет в гости, а у меня дома ничего нет. Я пришёл домой, говорю: «Начальник придёт в гости. Что будем делать?». А она говорит: «Ну что? Надо кушать готовить, чай поставить». Он пришёл и видел [как мы живём]. «Это что? У тебя вот это, и всё?», — он меня спрашивает. «Конечно, — говорю, — это всё!». «Как же так, интересно? Ничего у тебя нет!». Он

говорит: «Ты у меня молодец, работаешь, самое главное, что ты не пьёшь, не куришь. Ты спортсмен? Я вот сам боксёр. Давай, Михаил, я тебе помогу».

И что он сделал? Он же не может деньги мне [просто так] давать. А в Алма-Ате очень ценилась рыба маринка, вяленая и копчёная. Он мне как-то говорит: «Ты работал в Балхашском районе?». Я говорю: «Да, в Карагаче я работал шофёром». Он спрашивает: «А там рыба есть?». Я говорю: «Рыбы там навалом!». Тогда, знаешь, эту маринку коптили и сушили. Она очень вкусная! Вот этот Боуа и говорит: «Миша, я тебя командую, лист выпишу, всё — езжай, купи рыбу коллективу ДСР-1 (там сто пятьдесят человек работало!), все желают эту рыбу купить для еды. Ты езжай, купи сколько и какой найдешь — сушёную, вяленую».

Теперь я что подумал? Там яблоки не росли тогда. Казахи никогда никакие фруктовые деревья не сажали. Яблоки только в Алма-Ате росли. В Балхашском районе ни у кого ни одной яблони не росло. Поэтому они яблоки как увидят, как дети [становятся] — аж дрожат, так кушать их хотят. Я думаю: куплю машину яблок, повезу туда и обменяю. Я им — яблоки, а они мне рыбу.

Недалеко от ДСР-1 в селе Узунагач был совхозный яблоневый сад. Если перевести на русский с казахского Узунагач — это Большое дерево. Не доезжая до села Узунагач, в подсобном хозяйстве был яблоневый сад. Там яблок очень много было. Сторожами были уйгуры и казахи. Им принесёшь две бутылки водки, они тебе пятьсот килограммов яблок дадут (смеётся). Потому что сад совхозный, даром же. Я организовал так, чтобы мне чем дешевле, тем лучше. Правильно, да? Я не ворую ничего, я деньги отдаю сторожу, как он мне отдаёт, меня не волнует, то есть честно, я ему отдал. Он говорит: «Мне деньги не надо. Ты водку принеси, две бутылки». Я говорю: «У меня маленькая машина такая, может полторы тонны возьму яблок». Он говорит:

«Возьми. Две бутылки, больше не надо. Принеси и набирай сколько надо».

Знаешь, сколько там яблонь? Целых пять-шесть гектаров! Сорт яблок — апорт. Я собрал. Не полторы тонны, конечно — может, восемьсот килограмм. И поехал в Балхашский район к рыбакам, туда — в рыбацкие селения. И поменял. Отдал яблоки, взял рыбу и приехал назад домой. Привёз в Алма-Ату больше 1,5 тонн вяленой рыбы. Я выкопал яму, сделал коптилку, там коптил рыбу. И продавал копчёную рыбу на суконном комбинате, где я работал. И деньги у меня появились. Я пришёл к начальнику, «Владимир Петрович, я все делал честно. Я вот столько купил рыбы, столько продал, столько денег принёс». А он: «Мне ничего не надо, Михаил, возьми к себе!». Нет, я говорю: «Я столько заработал благодаря Вам. Возьмите!». А у него был друг, Гончаров, начальник госдорстроя. Говорит: «Михаил, у тебя осталась копчёная рыба? Ты только угости его, министра. Больше ничего не надо. А деньги все себе возьми».

Я пришёл домой, принёс деньги. Нина очень обрадовалась. Мы сразу телевизор купили, туда-сюда — хозяйство [устроили]. Я ещё маленький мотоцикл купил себе «Восход».

Вот так я работал, потом получил большую новую машину. Меня пересадили на битумовозку, чтобы я зарабатывал хорошо и жил хорошо. Начальника возить — 100–120 рублей была зарплата в месяц. А на битумовозке, большой машине, я зарабатывал 700–800 рублей. Дороги, знаешь, опрыскивают смолой, гудроном. Там 14 тонн грузоподъёмности. Я на этой машине стал работать. У нас две машины было. Один немец, Берецев Николай, я с ним вдвоём возил. Мы строили дорогу до Китайской границы в области Нарынкол. От Алма-Аты триста километров посёлок, или совхоз, Текес. Я туда возил горячий битум. Заливал асфальт. Вот битум я возил. Очень тяжело. Машина большая, а там горная дорога. Подниматься надо 80 километров, потом спускаться туда на

Китайскую границу. До 1969 – 1970 года где-то я работал там.

Я уже богатый стал. На этой машине зарабатывал большие деньги. Редко, кто так мог заработать. Всё у меня было необходимое для дома — и холодильник, и телевизор, и всё на свете.

А Нина работала сначала почтальоном — письма, деньги пенсионерам разносила. Потом на хлебозаводе она работала кулинаром — стряпала хлеб. На строительстве она работала. В управлении большие дома строили, там она работала. В 1966-м у нас родилась дочка Люба, а в 1968-м сын Юра родился.

Баканасский зверопромхоз

Потом я вздумал ехать [работать] охотником. Я же рыбак-любитель и охотник, да? В 1969-м я уже не мог [мне надоело] работать на машине. Я скучал по рыбалке, по охоте. А однажды прочитал в газете «Известия» — статья большая там была, — что в селе Баканас, центре Балхашского района, есть охотничье хозяйство, называемое Баканасский ондатровый зверопромхоз. И там охотники зарабатывают большие деньги, даже министры столько не получают. Ловят и заготавливают ондатру. Есть такой зверёк. Я его никогда в жизни не видел. Думаю, поеду — попробую работать охотником. Здесь на окладе работаю. Хотя я начальника вожу туда-сюда на этой большой машине, а всё равно зарплата не такая. Так-то на всё хватает, а машину купить невозможно. Там природа, рыбалка. Про *чэзамэ* (яп. осётр), про осётра написано, что там ловят. В общем, мне сильно захотелось ехать туда.

Зашёл к начальнику Боуа и говорю: «Владимир Петрович, я хочу поехать в Баканас, устроиться охотником». Он говорит: «Ох, Миша! Вчера я читал газету — да, там охотники зарабатывают большие деньги. И там всякая рыба. Осётр, кабаны, и всё! Жизнь

очень хорошая. Но, Миша, я тебя не хочу отпускать. Такого шофёра я не найду». Так он мне говорит. Хороший человек был. Дальше сказал: «Ну, ты же молодой. Раз ты хочешь заработать, купить машину, дом, я тебе не буду мешать. Но, смотри, если захочешь назад прийти, приходи в любое время! Ты мой дом знаешь, приходи ко мне прямо домой! Я тебя в любое время приму!». Такой хороший человек! Конечно, его сейчас нет, он уже умер.

Я поехал сначала один. Нина с детьми дома остались. Приезжаю в село Баканас. Это от Алма-Аты двести восемьдесят километров. ГОХ тогда называлось это. ГОХ — сокращённо государственное ондатровое хозяйство. Там директором был казах по имени Толгабаев. Он посмотрел мою трудовую книжку. У нас в Казахстане, и в России вообще, прежде чем принимать на работу, сразу смотрят трудовую книжку, там же вся твоя работа записывается. Он посмотрел, говорит: «О-о-о, Миша, ты городской шофёр. Алма-Атинский шофёр. Такой человек мне нужен. Дам тебе новую машину Газ-53 (это хорошая машина, она до сих пор ценится — российская Газ-53, грузоподъёмность три тонны). На ней ты будешь возить комбикорм в Ушжарму». Там у них отделение было, где разводили чёрно-бурых лис, красных лис, нутрию и норку держали — всяких пушных зверьков для меха на головные уборы, ещё ондатру заготовливали. «Нужно будет возить мясо из мясокомбината в поселок Ушжарму (зверей же кормили мясом)». Потом я жил в селе Ушжарма: там у меня последний дом был, который я отдал, когда уезжал в Японию.

Вот директор Толгабаев и говорит: «Миша, я тебя приму». А я: «Шофёром я не хочу. Я хочу работать охотником». Он говорит: «Слушай, Миша, у нас порядок такой. Охота начинается с 1 октября. Октябрь, ноябрь, в декабре сезон кончается. Всего три месяца. А потом целый год ты будешь работать на машине. Новый сезон подойдёт в октябре, ты поедешь ондатру ловить. Ты такой

шофёр [хороший], поэтому новую машину тебе даю».

Это было 3 мая 1970 года. Я поехал туда, устроился на работу. 1, 2 мая — праздник в России, в Казахстане. Толгабаев принял меня шофёром и временно закрепил штатным охотником. Конечно, мне уже квартиру надо, надо семью перевозить в Баканас. Нина на суконном комбинате оставалась. Тогда он говорит: «Здесь в Баканасе нехорошо — ни огорода, ничего нет. Ты в Ушжарму поезжай. Там огород, рыбалка, всё на свете». Там ведь отделение было от этого ГОХа — директор-то один, он и говорит: «Поедешь, Миша, туда». Я с семьёй всё собрал. Тогда уже у меня Юра был и Люба, дочка, была. Шматьё собрал и перевёз их на машине ГОХовской. Мы поехали в Ушжарму, обосновались. Временно я работал шофёром, а практически я устроился штатным охотником. В трудовом договоре написано — шофёром временно.

Потом мне машину поменяли, автофургон дали с рефрижератором, где холодильник стоит, мясо возить. Это автомашинка Зил-130. Эту большую машину я получил. Мясокомбинат находится в Алма-Ате. Расстояние от мясокомбината Алма-Аты до Ушжармы ровно 280 километров. Кроме выходных дней — 600 километров, взад-вперёд — я каждый день ездил. Представишь? Каждый день! Ну, может, через день, когда я уже устаю, но каждые сутки делал один рейс. Мясо возил кормить этих разных зверьков.

А осенью, с 1 октября, сезон открывается на ловлю ондатр. Вот ради этого я только и устроился. В первый год работы Каройское отделение мне выделило [охотничий] участок Сартомсо на побережье озера Балхаш, хороший участок — примерно 8,000 квадратных километров с водоёмом. Закрепляют участок по документам на два-три года. Осенью 1970 года в октябре месяце мы поехали ловить ондатру на участок с Ниной вдвоём. Молодыми были. А детей у матери Нины оставили. Она

жила недалеко от станции Или. Спускались мы с Ниной по реке в Балхаш 300 километров на деревянной лодке, нагрузили в неё всё, что необходимо.

Я ондатру раньше уже видел, но ловить не ловил. Знаешь, капкан есть специальный такой. С ним ловил. Капканов ставил 150–200 штук. Мы капканы расставляли по всему угодию, у кормушек. Мне показали, как ставить капканы. Это запросто. Я на байдарке еду. На угодии, у водоёма, образуются кормушки. Ондатры выныривают из воды, достают самый хороший корень, грызут. Эта грызнина остаётся вся в куче. На этой куче ставим капкан. Они приходят к кормушке и попадают в капкан. Ну и всякие [другие] способы, где ставить, у норы, например.

Домик ондатры

Ондатра — зверёк очень умный. Строит себе домик. Они бывают круглые, бывают такие длинные. Сначала ондатра ныряет, на самом дне глиняный фундамент ставит. А потом наращивает, наращивает до трех метров в высоту над водой. И главное — всей семьёй работают. Мать, скажем, или отец, — кто там старший, — наверху находится. А младшие все камыш собирают и в зубах тащат ему. А тот принимает у них и строит.

Я спрячусь и наблюдаю. Один молодой просто так прибежал, стройматериал не поднёс, так мать как ему даст — так он кубарем и улетел! Я смотрел на них, это чудо! Когда морозы начинаются, перед заморозками, ондатра ныряет в воду, пока вода не застыла. Он нырнёт, себе воды набирает на мех. Потом залезает в домик, вот так встряхнётся — и водой обрызгает стены, чтобы все трещины, через которые проникает воздух внутрь, покрылись льдом. Он набирает на себя воду, на тело. И потом там трясёт вот так, оглядывает домик. Если где-нибудь маленькая дырочка — да? — он внутри находится и чувствует, откуда сквозняк идёт, вот

скажем, как сейчас дует. [Там находит] вот такое маленькое отверстие — глину берёт и замазывает. Вот так он строит домик. Дом очень интересный. Здесь, например, у него кормушка — он здесь ест. Вот здесь вода. Здесь он снизу фундамент ставил. Вот здесь у него вход. Здесь, скажем, выход. Вот здесь у него туалет. Наверху он спит. Ещё он что приносит? Корни всякие сюда несет и здесь кушает. А потом остатки, *гами* (яп. мусор), он всё сюда выкидывает на улицу, в воду, с этого отверстия. Вот такая ондатра. Семьей живут. Если у него дети — пятеро, шестеро или семеро в семье, — все живут в этом домике. И каждый раз этот дом наращивают. Бывает, что вода прибывает, да? Они тогда наверху строят кормушку. Спальню тоже поднимают сюда. А если вода выше пришла, он тогда давай наращивать ещё выше. Вот интересно! В общем, я всё подсмотрел.

Заработки

В тот год я поймал 2,400 ондатр! Это страшно, знаешь, какие деньги я получил — огромные, я тебе серьёзно говорю. 2,400! Шкурку обрабатываешь, высушишь ее, потом пачкой свяжешь, потом везёшь в приёмный пункт сдавать. Там сорт 1-й, сорт 2-й, 3-й сорт, вот они отбираются [по сортам]. Первый сорт — значит дороже стоит, второй сорт меньше, третий сорт ещё меньше. Как-то я пришёл, приемщик Роберт был, кореец, который шкуры принимает. Он у меня спрашивает: «Миша, сколько ты поймал ондатр?». Я говорю: «2,400». «Да ну, вы что! — говорит, — сочиняете что ли?». Я говорю: «Ничего подобного, не сочиняю! Я поймал 2,400». — «Да ну!». Он думает, первый год я приехал и 2,400 поймал? Старый охотник не может поймать столько. Он не верит мне! Я давай мешками таскать. Я на лодке привёз. Он глаза вытаращил, смотрит: «Что такое? Один мешок несёт, второй несёт, третий несёт, четвёртый несёт...». Он за голову схватился.

«Правда! — говорит, — Миша, как ты поймал?». «Ну как, — я говорю, — вот так вот!». Вот так было.

Если первый сорт, одна шкурка стоит, допустим, 3,000 рублей. Второй сорт — 2,000–2,800 примерно. Которые похуже, меньше могли стоять. Но в основном, у меня ондатра вся хорошая была. Первый и второй сорт. Поэтому я получил хорошие деньги. В те времена за 3,000 [рублей] можно было купить... Ну, корову можно было купить. 1,200 стоила корова. Вот за 3,000 три дойных коровы можно купить. Что там говорить? Это огромные деньги. Я сразу что сделал? Я сразу купил хороший дом, купил машину «Нива», новую, с завода. Моторную лодку купил. Мотор, как это у нас здесь — ЯМАНА, а тот был «Вихрь». Русский мотор. Два даже я купил. Тридцать лошадиных сил. Я сразу, за один год, знаешь, какой богатый стал! Люди завидовали: «Что такое? Японец пришёл к нам сюда и столько ондатр сразу поймал. И сейчас имеет машину “Нива”, дом, лодку!».

В то время в посёлке всего было две лодки. У одного была, Сидор его звали, он утонул [потом]. У него была лодка, и одна у меня, больше ни у кого. (Смеётся.) Сказать, никто не поверит. Вот человек [что может], если будет работать отлично, да?

Это 1970 год был. Вот сколько [всего] лет я работал, я не знаю, но в общем так и продолжалось с 1970 года. Меньше тысяча пятьсот [ондатр] я не ловил. Поэтому у меня средств хватало.

Через три года руководство колхоза закрепило за мной другой участок. Назывался он водоём Касагач. На этом участке примерно 16 охотников работало. Мне закрепили участок 1,000 метров длиной и шириной 14 метров. У меня байдарка была оцинкованная, 4 метра длиной, и шириной два пятнадцать. На нее грузили капканы и ставили. Всё время с собой брал 80–90 капканов. В первый год в Касагаче я поймал 2,400 штук. И также остальные все охотники ловили очень хорошо. Почему-то в этом водоёме не было сома. Зашнурованные были озёра. На озере, где

я возился с ондатрами, там ни одной рыбы не было. Мы даже рыбу брали с собой, когда ездили далеко. Ни одной рыбы, потому что там вода не проточная, свежая вода туда не попадала. Поэтому ондатр было много.

Лебедь

В каком-то году построили гидроэлектростанцию. Реку Или перекрыли. Заполнять надо было водоём в бассейне Или, для того чтобы ГЭС работала. Начали регулировать, сколько воды пустить, и в конце концов, на второй год, в Касагаче озеро стало высыхать.

Первого октября открывается сезон, и в конце ноября уже заканчиваем отлов ондатр, так как озёра замерзают. Однажды осенью в конце ноября я еду на байдарке, вижу — лебедь. Вытянулся [на воде], что-то шепчет... Оказалось, он ранен. Браконьер выстрелил в него и крыло пробил. Когда я утром выезжал капканы ставить, всегда с собой брал на обед хлеб и всякую разную еду. Я взял кусок хлеба, отломил и кинул ему. Он сразу без всяких стал брать этот хлеб, кушает.

И так я несколько дней ездю, а он там уже меня встречает. Серьёзно говорю. Я приезжаю, а он смотрит на меня, не убегает. Я в руках держал хлеб, а он с рук брал хлеб. Домой брать лебеда сначала я боялся, потому что запрещено, очень строго было насчёт этого. Даже три года [заклечения] давали за выстрелы в лебеда. Но я решил его взять к избушке, где мы охотились. Там бригада была у нас, четыре охотника остановились. Я взял его, в байдарку посадил, а он сидит, не убегает. Вот интересно было. Как птица привыкает к человеку, особенно лебедь. Я его привёз к избушке. Если не привязать, он уйдёт. И кто знает, потом вернётся или нет. Я его привязал на веревочку за ногу в удобном местечке, чтобы он спал. И стали мы его кормить. Нина кормила, и охотники тоже. Он так привык к нам.

И однажды мы собрались домой уже. Мы договорились, что, когда поедем домой, его отпустим. А что делать? Везти с собой — строго запрещено. Если по дороге охотинспекция увидит, не поверит, что я раненого подобрал. Скажут, что сам стрелял. Поэтому я боялся брать с собой. Сидим на улице, смотрим. У нас в Казахстане осенью все птицы улетают на юг в теплые страны, чтобы зимовать. И стая лебедей летела как раз. Штук, наверное, 17–18. И вот он увидел, что летят свои, весь вытянулся, смотрит на небо, кричит. А мы сидим все смотрим, да? Я заметил, что у него слёзы капаят. Я тогда только узнал, что лебедь тоже может плакать. И мы все удивлялись. Птица увидела, что её друзья улетают, а она одна остаётся, и она плачет. Потом я его отпустил. А уже начал лёд замерзать. Мы поехали домой.

Через где-то дней двадцать я с другом вернулся на это место к избушке. Уже был мороз 18–20 градусов, и этот залив, где я охотился на ондатр, уже замерз, можно было пешком идти. Потом далеко от этого залива, где вода протекала на озеро Балхаш, там было открытое место, не замерзшее. Туда пешком не подойти, провалишься, и на лодке не проедешь, потому что лёд. На озере Балхаш вода солёная, поэтому не замерзает. Мы с другом видели этого лебедя, он там плавал, а подойти близко не могли. По-моему, это был он. Потому что другие лебеди не остались. Мы там неделю побыли и поехали домой. А весной, когда мы приехали, его не увидели. Мы с другом говорили, может, хищники — орлы или лисицы — поймали его и съели. Вот такая была история.

Работа охотинспектором в промхозе

Руководство видело, что я работал хорошо. «Давай поставим его егерем, — говорят, — он честный. Здесь он один японец». В общем, собрание было, все решили, и поставили меня старшем егерем. Это было уже в 1987 году. До 1992 года я работал егерем.

А в 1992-м я ушел на пенсию. Здесь была очень интересная работа, но опасная. Потому что браконьеры могли убрать меня — не только браконьеры, но ещё разные чиновники.

Глава V. На родину

Знакомство с Камада Такао

Когда я работал на суконном комбинате мы нашли Вову Камада. В 1965-м мы приехали на суконный комбинат, и Нина работала на почте почтальоном. Где-то году в 1966-м она принесла домой журнал «Автомобильный транспорт Казахстана», где было написано, что в городе Джамбуле [Карагандинской области] живёт японец Камада Такао. Он тоже из Японии, с Сахалина, понимаешь? Я не знаю, за что, но русские его судили, дали ему пять лет и отправили в Казахстан. Он в Джамбуле жил, работал сварщиком и конструировал разные прицепы автомобильные, и у него это хорошо получалось. Отлично работал. Несмотря на то, что он японец, он получил медаль «Герой социалистического труда». Ни русские, ни казахи [тогда] не получали, а он получил...

Этот журнал Нина с почты принесла мне. Я с работы приехал. Она говорит: «Миша, смотри, твой земляк, да? Камада Такао». Я говорю: «О-о-о, Камада Такао — это японец! Давай адрес». Смотрим, город Джамбул, Мечникова, 23, Камада Такао. Я сразу письмо пишу ему, по-русски, конечно. А его жену тоже зовут Нина. Она у него тоже русская, как у меня.

Ходил автобус туда. 470 километров от суконного комбината, где я работал, до Джамбула. Я сел на автобус и поехал. Нашёл

улицу Мечникова, дом 23. Он мне рассказывал: он тоже осуждённый был, как и я, когда из тюрьмы освободили, он [сразу] туда приехал. Меня, допустим, в Или направили, а его — в Джамбул. Их было пятеро. Освободились из тюрьмы, всех направили в город Джамбул, пять японцев. Но, к сожалению, четверо уже умерли от разных болезней. Камада Такао-сан один был там. Он работал на заводе автотранспортном. Женился на этой русской женщине. Они с женой [пережили] очень трудное время, вот как я, когда я землянку строил, они там только из глины [самана] дом построили. Тётя Нина мне рассказывала: «Ой, так трудно было. Он ещё по-русски ничего не мог говорить. Я всё равно влюбилась и вышла за него замуж. Вот мы этот дом построили», — мне показывает. Хороший дом они выстроили. У них тоже сын и дочка, как у меня. Я после этого ещё ездил к ним в гости.

Камада мне помог написать письмо в Красный Крест в Москву, и я через них нашел родственников. Отец и старший брат Юкио жили в Такикава, Кубота-сан в Вакканай, а брат Ёсио в Саппоро жил. Первое письмо от брата я получил, когда работал на суконном комбинате, как раз сын Юра родился в 1968 году. Писали, что им сказали, где я живу, и они искали по карте Балхаш, но не нашли.

И я начал писать письма. С братом связался, который в Саппоро проживал. Я писал ему, а ответа от брата не было целый год. Я пишу брату в Саппоро, а брат не пишет.

Поиски родных в Японии

В 1975 году я на самолёте летал в Москву, в японское посольство, чтобы узнать о моих родных. Деньги у меня были, я заработал на охоте. Я никогда Москву не видел, и в первый раз я на самолёте полетел из Алма-Аты. Ну, я уже по-русски говорил

отлично. Уже и не понять, японец я или русский. Приехал в Москву, посольство нашёл, и рассказал, кто я есть. Они даже не знали, что японец находится в Алма-Ате после отбывания тюремного срока. Никто ничего не знал.

Они сразу при мне соединились с «*Хоккайдо Симбун*» (яп. «Газета Хоккайдо»). Они по радию, или, я не знаю, по компьютеру, позвонили в Японию, я разговаривал с Миёко, дочкой Ёсио.

После того, как я ездил в Москву, пришло письмо из Вакканай с Хоккайдо. Эйкити, старший сын Кубота-сана, писал письма. Он сейчас живёт в Вакканай. Его мать, Хиса, тоже писала. Ей уже 100 лет, ещё жива.

Камада всё хотел поехать в Японию, но как, он не знал. Его дочка с женой остались в Японии, где-то недалеко от Осаки. Корреспонденты там были, они узнали, и сообщили о его семье в Японии. Он хотел поехать, но умер. Когда это было, не помню. Может, в 1980-х, а может даже позже. Когда киносъёмочная группа приезжала из Японии, я им рассказывал, что жил японец в Карагандинской области, адрес дал. Потом они поехали туда, снимали его могилу и как жена ухаживает за могилой.

Знакомство с Ито Минору

А в Казахстане, [оказывается], ещё находился Ито Минорусан, который сейчас в Сендай¹⁹ живёт. Мы друг друга не знали [тогда]. Потому что нам не разрешено было никуда ехать. Я же подписку давал — не выезжать никуда без разрешения КГБ. Я же, как бы сказать это, при комендатуре находился. Я каждый день расписывался. Понимаешь? Скорее, похоже на миграционную полицию в Японии. Вот, как в этой миграционной [службе], я каждый месяц подписывал, что я здесь, никуда не уехал. Такое

---

¹⁹ Город Сэндай — административный центр префектуры Мияги, находящейся в северо-восточной части острова Хонсю Японии.

правило было.

Где-то примерно 1966 или 1967 год. Потому что у нас уже дочка была. Один мужик сказал: «У нас в Узунагаче один японец живёт». (Смеётся.) Я говорю: «Да ну! Это просто, наверное, у него такая кличка». «Нет, настоящий японец живёт!» — говорит. Это мне друзья в Ушжарме говорят. А адреса они не знают, где он живёт. Ну, значит, я в Узунагач поехал. Тогда я уже машину купил в Ушжарме, «Москвич». Вот эта «Нива» была, да Москвич был. Я поехал в Узунагач. От нас 300 километров. Недалеко.

Приехал туда, в первую очередь в сельсовет пошёл. Они сразу мне сказали, такая-то улица — там проживает Ито Минору. Я поехал на машине его искать. Всё-таки нашёл. Встретились, поговорили. Оказалось, что мы попали в разные годы в Казахстан. Я попал в 1946-м, а он — в 1949-м приехал в Алма-Ату. А его за что в Сахалине судили? Он уже при русских работал. Уже не при японском правительстве, а при Союзе на Сахалине. Он работал машинистом *кися* (яп. паровоз). По его рассказу, он на красный свет светофора не остановился, уснул. Буквально проехал метров сто, проснулся и остановил поезд. Тут же русский сотрудник сообщил в КГБ, что японец специально хотел, чтобы *дзико* (яп. авария) была. Вот за это его судили. А фактически он просто уснул. Понимаете? Никакой аварии не было! Ну, всё равно его судили. Дали три года ему. Он три года отсидел, потом в Узунагаче оказался. Он мне всё это рассказывал. Тоже такая же судьба, как у меня. Но он, правда, старше был. Двадцать четыре года было ему [тогда]. Ему уже легче. Может, всё равно нелегко (смеётся), но не как мне в тринадцать лет. Вот так я с ним встретился и поговорил.

Он написал для меня письмо в Японию. Но его письма — ни одно не доходило в Японию. Наверное, цензура не пропускала. А когда писал Камада Такао-сан — всё доходило. Почему, не знаю.

А КГБ не разрешал, чтобы мы встречались. От Или мне уехать

за 300 километров нельзя! Я же подписывал «никуда не выезжать».

Встреча с бизнесменом из Японии

В первый раз я узнал, что японцы приехали демонстрировать экскаваторы на выставке в Алма-Ате, наверное, в 1985 году. Мне один друг сказал: «Михаил, японцы сейчас в Алма-Ате. Там техника, экскаваторы». Я сразу поехал. Я туда приезжаю, на улицу Абая, где спортивный зал, там выставка. Я пришел, смотрю — там японец ходит, человек небольшого роста такой, в очках. Это был Като-сан. Он мне сказал: «Мы здесь работаем». Сначала он боялся меня. Смотрел на меня: казах... не казах. Я сказал, что я японец, и показал паспорт. Он сказал, что живёт в Токио. Говорит: «Завтра я поеду домой и сразу найду вашего брата, какой у него телефон?». Я ему дал адрес брата, номера телефона не знал.

Он, как приехал в Японию, сразу позвонил Ёсио, сказал ему: «В Казахстане ваш брат, Масао, он приходил ко мне, и я разговаривал с ним. Он приедет по туристической путёвке, Вы могли бы встретиться с ним в Токио» (у меня в туристическом маршруте не было Хоккайдо, только Токио и Осака). Брат сказал, что приедет.

В это время многие японцы приезжали в Алма-Ату — кто с выставкой, кто по коммерческим делам. Но нам до Алма-Аты ехать далеко было, 250 километров. А милиция не пускала японцев ехать к нам. Однажды начальник милиции — мой друг был, он всё время на охоту приезжал, рыбачил, — мне звонит: «Миша, японцы приехали. Давай я приеду к тебе с ними вместе». [Он их привёз]. Мы пообщались, потом их провожали на машине — далеко, за 100 километров. Вот интересно было. Они всегда приезжали с переводчиком.

Туристическая путёвка в Японию

Был такой порядок. В организации, где работаешь, можно было получить рекомендацию, [там сказано,] кем я работаю, добросовестный и так далее. Потом они в туристическую базу делают заявление. Потом только выдают разрешение на покупку путёвки. В 1986 году, когда в Советском Союзе стала демократия, уже не было таких запретов. И я купил путёвку от профсоюза. Заявление с места работы получил, потом райисполком рассмотрел — и всё, разрешение дали. Путёвка в Японию на 20 дней нашими старыми деньгами тогда 1200 рублей стоила. Я очень дёшево купил, так как я член профсоюза, скидки были. Если мне надо было платить 1200 рублей, профсоюз платил 30 процентов, 500 рублей или сколько-то.

С собой деньги брать нам разрешали только 800 рублей. Меняли деньги на японские иены прямо на пароходе. Где-то 25,000 иен меняли, а больше нельзя. Двухкассетный магнитофон стоил тогда в Японии 1,800 иен. Только на эту сумму ты имеешь права что-нибудь купить. Если превышает, забирают. Но поскольку я японец, у меня брат на Хоккайдо, мне разрешили больше провезти. А русским — нет.

Нас в группе было 18 человек – все, [кроме меня] партийные шишки и большие начальники. Мы из Алма-Аты полетели в Хабаровск на самолёте. Из Хабаровска на поезде в Находку. Из Находки на пароходе в Кобе. Это первый причал (имеется в виду пункт маршрута). Трое суток мы ехали. Пароход был туристический, большой, «Черненко» назывался в честь бывшего Генерального секретаря [ЦК КПСС]²⁰. У нас был точный график. Путёвку покупаешь в Японию, а Япония даёт график посещения — какой маршрут.

---

²⁰ К. У. Черненко был в 1984–1985 гг. Генеральным секретарем ЦК КПСС и председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Маршрут начинался в Кобе, потом Хиросима... Последним пунктом был Токио. Като-сан мне сказал позвонить. И я как прибыл в г. Кобе, сошел с парохода, и пошёл сразу позвонить. Телефон взял, японский переводчик наш позвонил в Токио, что приехал Миура и в Кобе находится. Он спрашивал, какого числа мы будем в Токио. В Токио мы были с 28-го до 30-го — три дня. Мы приехали на пароходе в Токио, он меня встречал. Като работал в хорошей компании.

Тогда брат Ёсио прилетел из Саппоро в Токио, и мы встретились благодаря Като-сану. За мной очень следили. Все пошли на экскурсию смотреть город Токио. С нами кэзбешники были, они разрешили мне не ехать с группой и встретиться с братом. За мной всё время следили, поэтому я долго не стал с братом разговаривать, всего полчаса поговорили в гостинице. При гостинице было кафе, я пошел туда, и брат зашел. Смотрю, незнакомый человек подошел, недалеко сел и наблюдает. И я сразу понял, что он следит за мной. Это был японец. А русские кэзбешники на пароходе остались.

Мы с братом разговаривали только под наблюдением. Нас вдвоём с братом не оставляли. Нельзя. Переводчик был, потому что я японский язык не знаю [забыл], несмотря на то что мы оба японцы. Мой брат Ёсио смеялся, говорит: «Ты молодец, как русский язык выучил хорошо». Он тоже русский язык знал немного, говорит: «Я на Сахалине был полгода, но сейчас забыл», — и смеялся. Он работал на Сахалине после войны. На следующий день мне опять разрешили не ехать с группой. Я поехал встретиться с братом, но, когда его нашел, он уже уезжал в аэропорт. Переводчика не было, мы так и не разговаривали, и он уехал. Я его видел в последний раз.

Ёсио домой приехал и резко заболел. По рассказу Миёко, его дочери, он всё время читал моё письмо, говорил: «Еще раз я с Масао встречусь или нет». А я сразу не мог приехать после

встречи. Потом Миёко написала мне, что брат умер, но это письмо я не получил. Она всё рассказала мне потом, когда я приехал в Японию во второй раз, в 1995 году.

Второй приезд в Японию

После этой поездки приезжали разные журналисты ко мне, добивались, чтобы я мог приехать в Японию. Но это было не так просто. Нужен был вызов со стороны Японии. Потом Сано-сан узнал, как японцы [оказались] в Казахстане. Он тогда нашёл меня и Ито Минору. Благодаря Сано-сан я смог посетить Японию на второй раз. Сано-сан и Огава-сан²¹ меня вызвали. Я два раза приезжал [в Японию] после той туристической поездки — в 1995-м и 2001-м. А в 2002 году мы уже насовсем приехали.

В 1995 году я второй раз приехал в Японию. Сразу прилетел в Токио. Со мной были Ито Минору-сан и ещё одна женщина из Алма-Аты, у неё отец русский, но мать была японка. Сано-сан собрал нас в Казахстане, приехали мы вчетвером. У этой женщины сестра живёт в Японии, сестра вышла замуж за японца. Он какой-то профессор. У них дочь. Они живут где-то недалеко от Токио. Фотография у меня есть.

Потом мы с Ито-сан прилетели в Саппоро. У него брат работал в администрации Хоккайдо. Он забрал Ито-сана к себе домой, а я полетел в Вакканай вместе с переводчиком Ватанабэ-сан. Там в Вакканай показывали разные места. Встречался с Эйкити, сыном Кубота-сана. Я тогда посетил могилы отца и брата в Такикаве. Встречался с невесткой Юкио, потом с бабушкой, которая была моей соседкой. Она хорошо помнит меня, когда я

---

²¹ Синдью Сано — продюсер и режиссёр японо-казахских фильмов — в то время работал в Посольстве Японии в Казахстане. Ёити Огава — председатель Японо-Сахалинской ассоциации японских соотечественников.

маленьким был. Ей сейчас 87 лет, живёт в Такикаве. Везде фотографировались. Из Вакканай сразу полетели в Токио. Путёвка была на 20 дней. Всё время дают 20 дней.

Возвращение в Японию

Я всю жизнь мечтал, если будет возможность, вернуться в Японию, несмотря ни на какую систему, законы. Но для меня кругом было закрыто. Я не военнопленный. Военнопленные вернулись в Японию, но мы не могли. У меня судьба [такая]. Сколько я переживал, сколько я думал об этом — никто не знает. Только я знаю. Сколько трудностей я перенёс. Никто не интересовался этим. Я не по своей воле поехал в Казахстан. Я маленьким был, меня забрали и заставили поехать туда. И других японцев тоже. То, что мы остались там, это война виновата.

У Нины было больное сердце. Она специально поехала в кардиологический институт. Там проверили и сказали, что операцию ей делать поздно. У неё возраст такой, что она операции не подлежит, и болезнь уже запущенная. Сын спросил: «А можно ей в Японию ехать?». Они сказали, что нельзя. «Она не долетит на самолёте». А мы всё равно решили переехать в Японию.

В третий раз мы с сыном Юркой, Юкио, вдвоём приезжали в 2001 г. в Японию по приглашению Огава-сана. Огава-сан сказал, что мы можем переехать в Японию. Тогда мы оформляли документы, чтобы вернуться насовсем в Японию. Нам сказали: «Возвращайтесь домой и ждите, через год только разрешат после оформления документов». Мы, действительно, ждали год. Сано-сан и Огава-сан всё оформляли, чтобы мы переехали в Японию.

Переводчица Суда-сан, которая работала у Огава-сана, позвонила и сообщила, что уже отправили нам билеты на самолёт из Казахстана в Токио, для нас это бесплатно. В общем, срок до

вылета был небольшой, меньше месяца. А для того, чтобы собрать все справки в Казахстане, нужно было очень много времени, потому что куда ни придёшь за справкой, они говорят, что того нет, этого нет, жди сколько-то дней. А мне надо уже ехать.

Выписаться с места жительства был огромный труд! Я сколько дней ходил, собирал эти мелкие документы. Дом продать невозможно — ни у кого нет денег, никто не покупает. Машину тоже очень тяжело было продать. Все хотят мою машину, но денег у них нет. В общем, на это надо нескольких месяцев. Поэтому мы дом отдали почти даром. Машину кое-как продал за дешево. Имуущество всё раздал. Мало того, ещё и Юра тоже всё своё задарма отдал. Времени совсем мало было. Что мы могли делать [в этой ситуации]? Конечно, всё даром бросили.

Я прямо в Ушжарме получил письмо. У них были уже куплены билеты в Токио за счёт государства, оплатило министерство здравоохранения Японии. Огава-сан всё сделал, документы были готовы, билеты отправлены в Посольство. Юра их получил. Юра в городе Алматы (раньше — Алма-Ате) жил. Огава-сан говорил, что они хотели взять нам билеты через Сеул, чтобы близко, поскольку Нина больная. А не было! И вот мы летели через Стамбул, Турцию. Восемнадцать часов летели самолётом. Действительно, это было очень тяжело.

Мы прилетели в аэропорт Нарита 6 февраля 2002 года. И сразу, как [положено] обычно, нас повели на проверку состояния здоровья. В больнице сразу обнаружилось, что [Нине] нужно срочно делать операцию. Ещё бы чуть-чуть, уже всё. Уже клапаны не работали. На фотографии посмотришь её, не узнаешь. Видишь, лицо такое, как будто бабушка. Её руки, губы — такие синие были. Сердце совсем плохо работало.

В Токородзава²² всех отправляют на карантин на четыре

---

²² В городе Токородзава префектуры Сайтама находится центр

месяца. Это сейчас шесть месяцев, а тогда было четыре месяца. Мы приехали. Нас, как и китайцев, тоже [отправили] в Токородзава. Там в центре реабилитации мы жили в комнате вдвоём, а напротив Юра с семьёй втроём — Валя, его жена, и дочка Алиса, третий класс закончила. А Люба, наша дочь, осталась в Казахстане²³. По всем инстанциям ходили оформляли документы. Вот *гайкокудзин* (яп. иностранцы) удостоверение оформляли, и всё такое оформляли. Так время шло.

А 18-го Нине уже на операционный стол, благодаря директору центра, товарищу Хонда. Он выделил из их фонда деньги Нине на операцию. Где-то около миллиона иен. 700,000 или 800,000. В общем, большие деньги выделил. Я, конечно, очень благодарен. Что я могу сказать больше? Спасибо большое директору центра Токородзава Хонда-сану! И спасибо врачам! Вообще врачи такие здесь добрые, такие хорошие. Нянечки, медсёстры — все такие добрые.

Все японцы, которые лежали там в больнице, сказали: «Вам повезло! Врач только что вернулся со стажировки в Америке». Этот хирург, профессор, как раз в тот день вышел на работу, и она попала к нему первая. Её, например, сегодня утром положили, на второй день уже операцию сделали. У неё очень, очень крепкий организм, понимаете? Такая сильная. Другая бы не выдержала.

Потом нас поселили в Саппоро, по нашему желанию. Мне тогда сказали, что в Токио нельзя, в Осака — нельзя. Не знаю, почему. А на Хоккайдо — можно. Я и сам не хотел в Токио или в Осака. У меня братья и отец похоронены на Хоккайдо. Могилы их здесь. Из-за этого я и хотел переехать сюда, поскольку моя племянница живёт здесь. Она сама предлагала, чтобы мы

поддержки репатриантов из Китая.

²³ По законам Японии семья репатриантов имеет право взять с собой только одного ребенка. Многие японцы не считали возможным вернуться на родину неполной семьёй.

приехали на Хоккайдо, поэтому я решил. Меня спросили: «Почему вы хотите на Хоккайдо?». Я говорю, во-первых, климат почти с Алма-Атой одинаковый в Саппоро. Во-вторых, там у меня живёт племянница, и моя родня — все похоронены в Такикава. Поэтому я хочу жить в Саппоро. Вот тогда они мне разрешили. И заселили вот сюда.

В Саппоро

Масао-сан вместе со супругой Ниной Александровной жил в Саппоро. Занимался бегом, постоянно ездил на рыбалку, выращивали с Ниной на балконе цветы и овощи. Ездил в гости к родственникам в г. Саппоро, а также в г. Такикава. Масао-сан всегда готов был делиться историей своей жизни, выступал и давал интервью много раз по просьбе журналистов и учёных. Часто говорил, что ему бы хотелось, чтобы такая судьба, как у него, больше не повторялась никогда и ни у кого.

Масао Миура умер 19 января 2022 года. Как он сам рассказывал, своей силой и умом преодолел все трудности в жизни, и этим очень гордился. Масао-сан был всю жизнь честным, добрым и трудолюбивым человеком. Всегда помогал друзьям. Все, кто был знаком с Масао-саном в Казахстане и в Японии, уважали и любили его. Масао-сан помогал Ахико Тецуро (1930–2020), интернированному в Казахстан, когда Ахико недолгое время жил в Саппоро. Ито Минору (1927–2019) после возвращения в Японию жил в г. Исиномаки префектуры Мияги, а в 2011 г. пострадал от цунами и переехал в Саппоро. Оба, Ахико и Ито, поселились в том же районе, где жил Масао-сан. Они жили рядом, Масао-сан всё время им помогал, они часто приходили в гости к нему. Ахико два года прожил в Саппоро, потом уехал назад в Казахстан и умер в 2020 г. А Ито до конца своей жизни жил в Саппоро.

Сын Юрий (Юкио) и его жена Валентина переехали вместе с родителями в Саппоро, устроились на работу. Там у них родился сын Максим, и он сейчас учится в школе. Их дочь Алиса закончила юридический факультет института и работает в Саппоро.

Кроме того, в Саппоро нашлась старшая сестра женщины, с которой Масао вместе сидел в лагере в Мариинске и которая там умерла. Ей сейчас 90 с лишним лет, она часто звонит Нине.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА.....	I
ГЛАВА 1. НА КАРАФУТО (ДО 1945).....	1
О СЕМЬЕ	1
О СМЕРТИ МАТЕРИ.....	1
О СМЕРТИ МЛАДШЕГО БРАТА.....	2
ОХОТА НА ТЮЛЕНЯ.....	4
ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ.....	7
ШКОЛА.....	8
ФИЛИН.....	11
ПЕРЕХОД ЗА ГРАНИЦУ	13
АРЕСТ	16
ГЛАВА II. В ЛАГЕРЕ.....	19
ТЮРЬМА В РУТАКА.....	19
Суд.....	19
РУТАКА – МАОКА – ВЛАДИВОСТОК	20
ВЛАДИВОСТОК – ХАБАРОВСК – ИРКУТСК.....	23
МАРИИНСКИЙ ЛАГЕРЬ.....	27
ГЛАВА III. ПЕРВЫЕ ГОДЫ В КАЗАХСТАНЕ	32
ОСВОБОЖДЕНИЕ	32
НОВОСИБИРСК.....	33
НА СТАНЦИИ АЛМА-АТА.....	38
НА СТАНЦИИ ИЛИ.....	41
ЗНАКОМСТВО С РУССКИМ КОРЕЙЦЕМ	43
РАБОТА В РЫБКОЛХОЗЕ.....	44
МАЛЯРИЯ	48
ЗЕМЛЯНКА.....	50
РАБОТА В КОЛХОЗЕ.....	51
ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА	54
ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ	58
ЛОВ МАРИНКИ.....	59

НА КУРСАХ ТРАКТОРИСТОВ	61
НА ЦЕЛИНУ	62
ГЛАВА IV. 1960–1980-Е ГОДЫ В КАЗАХСТАНЕ.....	65
В СОВХОЗЕ «РАССВЕТ»	65
РАБОТА ШОФЁРОМ	66
ОХОТА НА КАБАНОВ	68
В АЛМА-АТУ	71
ЗНАКОМСТВО С БУДУЩЕЙ ЖЕНОЙ. СЕМЬЯ	72
ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ	74
БАКАНАССКИЙ ЗВЕРОПРОМХОЗ	77
ДОМИК ОНДАТРЫ	80
ЗАРАБОТКИ	81
ЛЕБЕДЬ	83
РАБОТА ОХОТИНСПЕКТОРОМ В ПРОМХОЗЕ	84
ГЛАВА V. НА РОДИНУ	86
ЗНАКОМСТВО С КАМАДА ТАКАО	86
ПОИСКИ РОДНЫХ В ЯПОНИИ.....	87
ЗНАКОМСТВО С ИТО МИНОРУ	88
ВСТРЕЧА С БИЗНЕСМЕНОМ ИЗ ЯПОНИИ.....	90
ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПУТЁВКА В ЯПОНИЮ.....	91
ВТОРОЙ ПРИЕЗД В ЯПОНИЮ	93
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЯПОНИЮ	94
В САППОРО	98

56 лет в Казахстане
Автобиографические рассказы Масао Миура

カザフスタンの56年
— 抑留を生き抜いた三浦正雄さんの物語 —

2022年3月31日発行

編者 永山ゆかり

発行者 釧路公立大学
〒085-8585 北海道釧路市芦野4丁目1-1

印刷 柏楊印刷株式会社
〒007-0802 北海道札幌市東区東苗穂2条3丁目4-48
